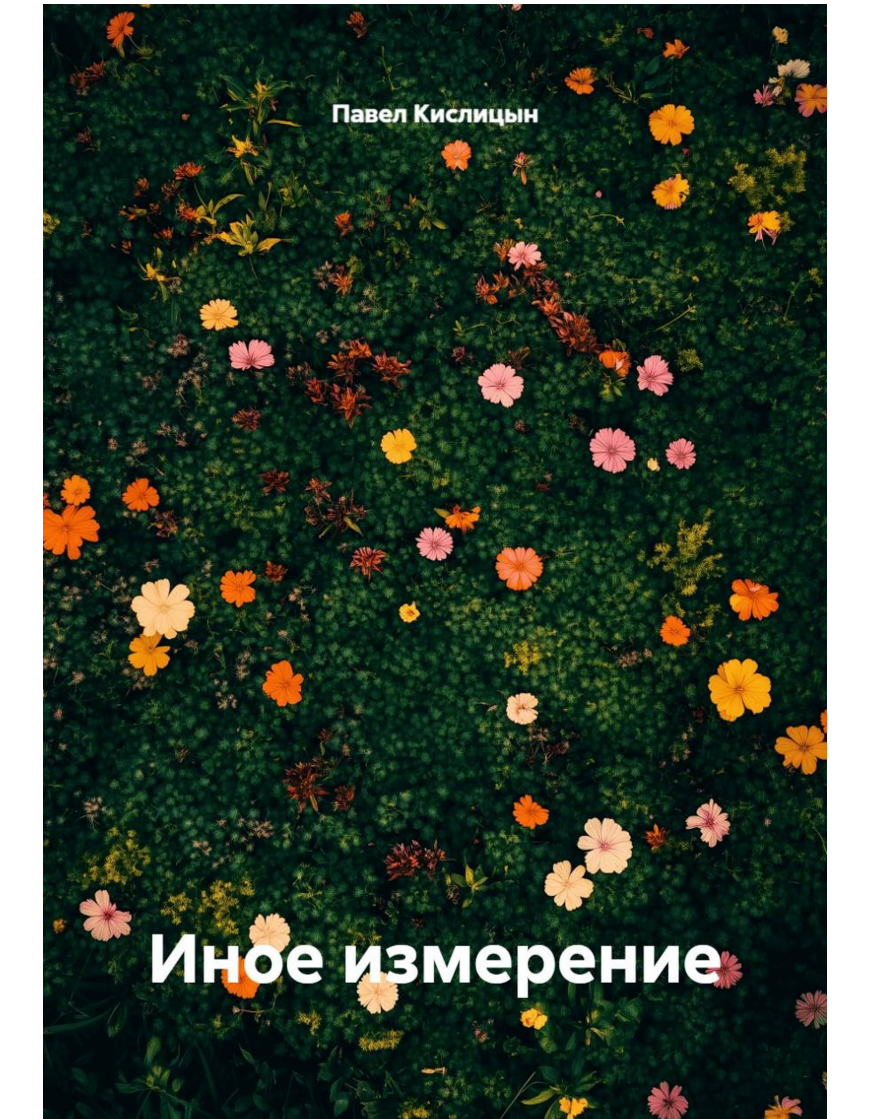

Павел Кислицын

Иное измерение

Павел Кислицын

Иное измерение

<https://litres.ru/74461723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это масштабное, многослойное произведение, которое начинается как крепкий военный триллер с мистическим оттенком, а затем перерастает в философскую притчу о природе зла, власти и человеческой души. Книга «Иное измерение» (серия «Влияние медведя») — это не просто история о секте или психотронном оружии. Это путешествие сквозь слои реальности, где тайга становится порталом, а Солдат — Пророком, чтобы в итоге вернуться к простому человеку.

Павел Кислицын

Иное измерение

ВЛИЯНИЕ МЕДВЕДЯ первая часть книги **Иное Измерение**

Глава первая.

Солдата звали Рябов, и он был рядовым второго года службы, то есть достиг той стадии армейской эволюции, когда форма сидит на человеке как вторая шкура, а уставные выражения мешаются с матерными в пропорции, близкой к золотому сечению.

Застава, на которую его определили, носила номер, ничего не говоривший даже штабным картографам, и состояла из трёх строений: казармы, склада и вышки, господствовавшей над морем тайги, как мачта утонувшего корабля.

Провизию сюда действительно не привозили. Не потому, что забыли — хотя и это случалось, — а потому, что последние сорок километров просеки заросли молодым ельником быстрее, чем старшина успевал составить заявку на горючее для бензопилы.

Иногда на вертолёте закидывали топливо и одежду.

Начальник заставы, капитан по фамилии Шмелёв, носившей явный оттенок издёвки над его комплекцией, решил проблему со свойственной армии простотой: подчинённый ему личный состав кормил себя сам.

Так Рябов стал не просто пограничником, а своего рода промысловиком казённого образца.

Каждое утро, вдохнув воздух, пахнувший хвоей и той особенной сыростью, какая бывает только в местах, где цивилизация отступила, оставив после себя ржавые консервные банки, Рябов уходил в лес проверять силки. Автомат за спиной болтался привычной тяжестью скорее, как инструмент, чем как оружие.

Медведей он не боялся. Точнее, боялся, но тем особым, уважительным страхом, который не парализует, а обостряет чувства. Тайга не прощает только двух вещей: паники и неуважения. Хотя и медведи обходили заставу и ее окрестности стороной своими тропами. Пограничники не ходили на тропы медведей, медведи не ходили на тропы пограничников всё честно.

Мать ждала его в городе N, до которого было двое суток поездом от ближайшей станции, а до той станции — ещё шесть часов тряски на попутном вездеходе, если таковой случался. Собака была здесь, при части, беспородная сука по кличке Туча, получившая её за способность в нужный момент омрачить любой оптимизм старшины.

Она ходила за Рябовым молчаливой тенью, и в её жёлтых глазах отражалось понимание, совершенно излишнее для животного.

В тот весенний день он шёл проверить капканы у Лысого распадка. Капканы стояли на зайца, но иногда в них попада-

лась куница, чей мех шёл на воротники офицерским жёнам — сложная система натурального обмена, делавшая заставу почти автономной экономической единицей.

Следы он заметил не сразу. Они были нечёткими, словно зверь приволакивал лапу. Кровь на снегу — тёмные, почти чёрные капли — указывала, что дело серьёзное.

«Медведь. Ранен. Шатун или просто неудачник», — подумал Рябов с той долей сочувствия, какую солдат может позволить себе в отношении зверя, ещё не зная, станет ли тот добычей или угрозой.

Армейская логика подсказывала: доложить. Логика тайги — проследить. Добить подранка — почти милосердие. Кроме того, медвежатина, грамотно засоленная, решала вопрос с мясом на месяц вперёд. Капитан Шмелёв оценит, если, конечно, не узнает, что Рябов ушёл на восемь километров дальше разрешённого маршрута.

Но Шмелёв сидел в канцелярии и переписывал ведомости боепитания под реальное наличие, то есть занимался делом, требовавшим полного уединения и забвения уставных норм.

Рябов пошёл по следу. Туча, взвизгнув, побежала вперёд, но почти сразу вернулась и прижалась к ноге — дурной знак, на который следовало бы обратить внимание. Но солдат, как всякий молодой человек в двадцать лет, полагал, что автомат Калашникова с полным рожком — это достаточное основание для бесстрашия.

След петлял, уходя в бурелом. Здесь деревья лежали друг

на друге, словно трупы на поле боя, это был результат давнего урагана.

Рябов перелезал через замшелые стволы, цепляясь ремнём автомата за сучья, и тихо матерился. Медведь, видимо, продирался здесь же: на коре остались следы когтей и бурые мазки.

Провалился он внезапно и до обидного глупо. Просто шагнул на ровное место, и земля ушла из-под ног.

Падение было недолгим, но впечатляющим. Он прокатился по склону из осыпавшейся гальки и глины, больно ударился плечом о камень и замер в полной темноте, слушая, как сверху, с того света, доносится истерический лай Тучи. Пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — слабым, почти выветрившимся запахом химии.

Когда глаза привыкли, он понял, что находится не в естественной пещере. Слишком ровными были стены, слишком правильным — свод. Бетон? В тайге, в тридцати километрах от заставы, под землёй — бетонный каземат.

Рябов поднялся, ощупал автомат (цел, предохранитель сбит, патрон в патронник не загнан нормально) и зажёл спичку. Слабый огонёк выхватил из мрака помещение, походившее одновременно на бомбоубежище и на операционную. Вдоль стены — металлические шкафы с облупившейся краской. Посередине — кресло. Не простое, а со следами креплений, подголовниками, подлокотниками, к которым тянулись провода. Над креслом на шарнирном кронштейне ви-

сел шлем — конструкция из металла и пластика, утыканная разьёмами, как ёж иголками.

Стол. На столе — книга. Не рукописный журнал, не вахтенный учёт, а настоящая книга в добротном переплёте, с тиснением, почти не тронутым плесенью. Рябов поднёс вторую спичку. «О том, как узреть Бога. Практическое руководство к эксплуатации модели „Альфа-4“». Ниже — гриф, от которого у любого, кто служил в армии больше года, сводило скулы: «Для служебного пользования. Экз. № 3».

Рябов сунул книгу за пазуху. Не потому, что поверил в Бога, а потому, что любой документ с грифом есть ценность. За него можно получить выговор, но можно и кое-что другое — зависит от того, кому и как предъявить.

Осмотр занял около часа. Спички кончились, но он нашёл огарок свечи в жестяной банке.

Лаборатория (теперь он не сомневался, что это лаборатория) была небольшой: три помещения, соединённых коридором. Жилой отсек с койками на шесть человек. Склад приборов, большинство из которых он не мог идентифицировать. И главный зал с креслом, шлемом и пультом, напоминавшим внутренности старой ЭВМ.

Ни тел, ни следов борьбы. Люди просто ушли. Или исчезли. Остались инструменты, бумаги, банки с химикатами, плотно закупоренные и подписанные убористым почерком. И книга.

Рябов выбрался наружу уже в сумерках. Туча, охрипшая

от лая, кинулась к нему с тем исступлённым восторгом, какой у собак означает крайнюю степень беспокойства. Он потрепал её по холке и задумался.

Докладывать капитану? Смысл? Застава получит приказ оцепить район, приедут люди из ведомства, которое не имеет названия, а имеет только почтовый ящик, и всё, что нашёл Рябов, станет ещё одной папкой в архиве. А папки, как известно, не кормят и не греют.

Он посмотрел на книгу, которую вытащил из-за пазухи.

В свете догоравшего дня буквы на обложке казались выпуклыми, почти живыми. «Как узреть Бога». Хорошее название для того, кто сидит в тайге с автоматом и мечтает о чём-то большем, чем заячьи силки.

Рябов усмехнулся. Усмешка вышла кривой — сказывалось усталое одиночество и та особенная пустота в голове, какая возникает, когда привычный мир даёт трещину.

— Ну, Туча, — сказал он собаке, — кажется, у нас с тобой появилось хобби.

Собака вильнула хвостом, не понимая слов, но чуя перемену. Запах химии всё ещё держался на одежде солдата, и он был чуждым, тревожным, как обещание беды, которую пока не различить за деревьями.

Первое, что сделал Рябов, заложил пещеру брёвнами и

поставил засечку на дереве, запомнил местность. В последствии он не побежал обратно к пещере.

Он был солдатом, а солдат, если он хоть сколько-нибудь смыслён, сначала обеспечивает тылы. Тылом в данном случае являлся капитан Шмелёв, чья подозрительность возрастала прямо пропорционально времени, которое подчинённый проводил вне зоны прямой видимости.

Поэтому следующие три дня Рябов вёл себя образцово. Силки — проверены. Капканы — перезаряжены. Мясо — засолено. Отчёт по расходу боеприпасов — сдан с теми мелкими неточностями, которые не вызывают вопросов, потому что полное совпадение цифр в армии как раз и означает липу.

Шмелёв хмыкнул, подписал и убыл в ежеквартальный запой, который маскировал под «профилактику ревматизма настойкой календулы». Настойка пахла спиртом и стояла в сейфе.

Рябов получил свободу манёвра.

Книгу он читал по ночам, при свете самодельного жирника, пока остальные бойцы видели десятый сон. Туча лежала у ног и временами подвывала во сне, гоняя воображаемых белок. Чтение двигалось медленно — не потому, что Рябов был глуп, а потому, что текст был написан людьми, которые, видимо, получали удовольствие, нагромождая термины один на другой, как кирпичи в кладке.

«Воздействие на теменную долю коры головного мозга

модулированным электромагнитным полем частотой от 4 до 8 герц вызывает у испытуемого устойчивое ощущение присутствия Другого. Испытуемые описывают эффект как контакт с высшим разумом, божеством, космическим сознанием. В 87% случаев наблюдается частичная или полная утрата критического мышления в отношении получаемой информации. Данный эффект может быть использован для...»

Здесь шёл длинный перечень того, для чего эффект может быть использован, и от этого перечня у Рябова, ещё сохранявшего остатки гражданской морали, слегка заledenели пальцы.

Создатели лаборатории, судя по стилю изложения, были не просто исследователями. Это были практики. Люди, которые уже знали, *зачем*, и теперь выясняли *как*.

«Прототип дистанционного воздействия (шифр "Луч-М") находится в стадии сборки. Принцип действия: направленный пучок электромагнитных волн той же частоты, но усиленный резонатором З-14, позволяет индуцировать состояние религиозного экстаза у объекта, находящегося на расстоянии до 500 метров. Практическое применение в оперативной работе очевидно...»

Дата на последней записи — 23 сентября 1986 года. Почерк обрывался на полуслове. Кто-то писал о результатах последнего опыта и вдруг остановился. Дальше — пустые страницы, чуть тронутые плесенью.

Рябов закрыл книгу и долго смотрел на огонёк жирника.

Мысль, которая пришла к нему, была проста и оттого особенно опасна. Лаборатория заброшена. Аппаратура на месте. Книга — вот она. Библиотека с технической документацией — там же, в пещере. Не хватает только электричества. Аккумуляторов и освещения.

На складе заставы, в дальнем углу, за ящиками с противогазами, чей срок годности истёк ещё при предыдущем генсеке, стояли списанные, но вполне рабочие аккумуляторы. Списанные — значит, не существующие. Не существующие — значит, их отсутствия никто не заметит. Армейская бухгалтерия есть высшая форма алхимии: она умеет превращать наличие в отсутствие и обратно, если знать нужные слова.

Рябов знал. Он полгода помогал старшине с учётом.

Перенос имущества занял неделю. Он таскал аккумуляторы ночами, по одному, через бурелом, поминутно замирая и слушая тайгу. Тайга молчала — или делала вид, что молчит, — но в этом молчании чудилось ожидание. Туча больше не ходила с ним к пещере. Она останавливалась у границы провала, ложилась на брюхо и тихо, утробно рычала.

— Глупая ты, — говорил ей Рябов, но в голосе его не было уверенности.

Лаборатория оживала постепенно. Сначала зажёгся свет — тусклый, жёлтый, но достаточный, чтобы видеть. Потом загудел вентилятор в системе охлаждения. Потом ожил пульт, подмигивая десятками индикаторов, и Рябов впервые

почувствовал себя не взломщиком, а наследником. Чувство было пьянящим и неправильным, как глоток спирта натошак.

Шлем он испытал на себе в ночь с пятницы на субботу. Выбрал время, когда заступал в караул, но на вышку не пошёл, а, нарушив всё, что можно нарушить, спустился в пещеру. Сел в кресло. Опустил шлем на голову. Контакты холодили кожу. Тумблеры поддавались туго, с приятным механическим щелчком — немецкая работа или отечественная, но сделанная по немецким лекалам.

Сначала — ничего. Только гул в ушах и лёгкое покалывание в затылке. Рябов уже хотел выругаться и снять шлем, когда мир исчез.

Не погас — именно исчез. Вместо бетонных стен — чернота, полная звёзд. Вместо запаха плесени — вакуум, который, впрочем, вовсе не душил. Вместо собственного тела — точка сознания, висящая в бесконечности.

И Голос.

Голос шёл отовсюду и ниоткуда. Он не был мужским или женским. Он просто был — как факт, как закон природы, как гравитация.

— *Ты пришёл.*

Рябов попытался перекреститься, но не обнаружил рук. Попытался произнести уставное «рядовой Рябов по вашему приказанию», но не обнаружил рта.

— *Не нужно слов. Здесь говорят иначе.*

«Кто ты?» — подумал Рябов, и мысль его прозвучала отчётливо, как выстрел в тишине.

— *Я тот, кого ты ищешь. Или тот, кого ты создал. Между этими утверждениями нет разницы. Разве ты не читал руководство?*

Рябов читал. Он понимал, что говорит с самим собой, — активированная теменная доля шлёт сигналы в кору, мозг интерпретирует их как внешний голос, классический аудиоторный феномен, описанный в седьмой главе. Но понимать умом и чувствовать — разные вещи. А чувствовал он благоговение. Чистое, детское, лишённое всякого скепсиса благоговение, какое бывает только в храме или перед лицом настоящей, невыдуманной опасности.

— *Ты хочешь знать, зачем всё это,* — продолжал Голос.
— *Хочешь знать, почему они ушли и почему ты остался. Хочешь знать, что будет дальше.*

«Да», — признал Рябов.

— *Тогда слушай.*

И тьма наполнилась образами. Не словами — картинами, которые впечатывались в память, минуя стадию осмысления. Люди в белых халатах, спокойные, деловитые. Прибор «Луч-М», ещё не законченный, но уже работающий.

Испытуемый — человек в штатском, кажется, заключённый или добровольец, — на лице которого расцветает выражение неземного восторга. И голос одного из экспериментаторов: «Порог подчинения пройден. Можно внушать что

удобно. Абсолютное оружие. Дешевле ядерного, эффективнее пропаганды. Представьте — вы включаете луч, и противник складывает оружие не потому, что побеждён, а потому, что увидел Бога, и Бог велел ему сдаться».

Потом — тревога. Чей-то крик: «Утечка! Защита не держит!» И тишина. Шесть человек в белых халатах, застывших кто где был — за пультом, у кресла, у двери. Глаза открыты, но сознания внутри нет. Оболочки. Овощи, как говорят в госпиталях.

Рябов сорвал шлем.

Он сидел в кресле, тяжело дыша и ощущая, как по вискам стекает холодный пот. Сердце колотилось где-то у горла. Руки дрожали. Но где-то там, под страхом и шоком, уже прорастала мысль — спокойная, чужая, словно подброшенная.

«Они не предусмотрели защиту. Они спешили. А ты не будешь спешить. Ты достроишь "Луч". У тебя есть книга. У тебя есть библиотека. У тебя есть время — вся эта проклятая застава, вся тайга, всё одиночество мира — твоё время».

Это была не его мысль. Она пришла извне — или из той части его мозга, которую активировал шлем. Но Рябов принял её за свою.

Человек вообще охотно принимает за свои те мысли, которые льстят его самолюбию или обещают власть. А мысль о власти — самая лестная из всех.

Он вернулся в казарму под утро. Лёг на койку, не раздеваясь. Туча, вопреки обыкновению, не запрыгнула в ноги —

осталась у двери, сверкая глазами из темноты.

Рябов смотрел в потолок и улыбался. В ушах всё ещё звучало: «Можно внушать что угодно». И первое, что он собирался внушить себе, — что всё идёт по плану.

Впрочем, второе «что угодно» было уже на подходе. Оно касалось капитана Шмелёва, старшины и всего того мира, который до сих пор имел наглость считать Рябова всего лишь рядовым срочной службы.

Тайга за окном молчала. Она знала, что внутри человека, лежащего на койке, поселилось нечто, чему ещё предстояло получить имя. И это имя вряд ли понравилось бы матери, ждущей сына в городе N.

Утро началось с происшествия, которое на заставе сочли бы заурядным, если бы не одно обстоятельство.

Старшина Ковригин, человек, чьё лицо напоминало мальчика, а характер — напильник с крупной насечкой, обнаружил пропажу.

Со склада исчезли два аккумулятора и катушка медного провода. Пропажа была невелика в масштабах армейского имущества, но Ковригин, как всякий старшина, страдал особой формой душевного недуга: он воспринимал вверенное ему хозяйство как часть собственного организма. Утрата аккумулятора была для него сродни ампутации пальца.

— Рябов! — гаркнул он, возникая на пороге казармы

именно в тот момент, когда солдат пытался изобразить сон.
— Ты по складам шастал. Сознавайся.

Рябов сел на койке. В голове ещё гудело после ночного сеанса, но мысли текли удивительно ясно, словно кто-то прочистил русло.

— Никак нет, товарищ старшина. Не шастал.

— А кто шастал? Мышь? Медведь?

— Не могу знать. Но могу помочь найти.

Ковригин прищурился. Помощь от рядового — вещь в армии редкая и оттого подозрительная. Но Рябов смотрел ясно и прямо, и в глазах его читалось то особое выражение искренней готовности, против которого бессилён любой старшина.

— Ладно, — буркнул Ковригин. — Вечером проведём ревизию. Готовь ведомости.

Вот тут и сработало то самое «второе что угодно», которое Рябов сформулировал для себя под утро. Ему нужен был доступ на склад без свидетелей. Ему нужно было, чтобы старшина сам, добровольно, передал ему ключи. И кажется — кажется! — он знал, как это сделать.

Весь день Рябов провёл в пещере. Он читал. Не просто читал — впитывал, как сухая земля впитывает воду. Библиотека лаборатории была собрана людьми, которые знали толк в подборе литературы: технические описания перемежались философскими трактатами, а те — отчётами о допросах военнопленных, на которых испытывали ранние про-

тотипы. Чтение было не из приятных, но Рябов заставлял себя. Он понимал теперь, что шлем — лишь ключ. Дверь — «Луч-М». А за дверью — власть, которой не даст ни один генерал.

К вечеру он знал достаточно. Но несмотря на это ему было мало.

Старшину он нашёл в каптёрке. Ковригин сидел над ведомостями, шевеля губами и мучительно соображая, куда вписать недостачу так, чтобы она растворилась в цифрах, как соль в кипятке.

— Разрешите обратиться, товарищ старшина?

— Валяй.

Рябов сел напротив. На столе горела лампа под жестяным абажуром, и свет её падал так, что половина лица Ковригина тонула в тени. Хорошо. Тень облегчает контакт.

— Вы устали, — сказал Рябов. Голос его звучал ровно, может быть, чуть ниже обычного. — Шесть лет на заставе. Семья далеко. Повышения не светит. Только склад, ведомости, вечная нехватка всего. А ведь вы способны на большее. Вы это знаете. Просто не встретили человека, который бы понял.

Ковригин моргнул. Обычно он реагировал на подобные речи матом и угрозой наряда вне очереди. Но сейчас — промолчал. Вслушивался.

— Я могу помочь, — продолжал Рябов, и пальцы его под столом совершали пассы, описанные в книге как «невербаль-

ная индукция тета-ритма». — Только дайте ключи. Я перепису ведомости. Вы отдохнёте.

Это была авантюра. Никакого дистанционного воздействия он пока не создал. Но эффект личного присутствия, эффект голоса, эффект полужнакомых жестов, подсмотренных в руководстве, — всё это сработало. Ковригин, чья воля была ослаблена усталостью, спиртом и тайным, никогда не высказываемым отчаянием, вдруг увидел в Рябове не солдата, а товарища. Едва ли не спасителя.

— Ключи, — сказал он медленно, — в сейфе. Возьми. Только... ты это... ведомости верни до утра.

— Будет сделано.

Рябов вышел из каптёрки с ключами в кулаке. Сердце колотилось, но на губах играла улыбка. Он сделал это. Без прибора, без луча — одним только знанием. Что же будет, когда «Луч-М» заработает?

В пещере его ждала работа. Схема прибора была проста в теории и дьявольски сложна в исполнении. Требовался резонатор — его остов уже стоял в углу главного зала, накрытый брезентом. Требовался генератор частот — его платы были разбросаны по столу, как внутренности вскрытого зверя. Требовался излучатель — параболическая антенна размером с хорошее блюдо, которую Рябов, обмирая от страха, вынес со склада РЭБ ещё в первую неделю. И требовались мозги. Его собственные мозги, которые теперь работали иначе, чем прежде.

Он не замечал времени. Часы в лаборатории встали много лет назад, а наручные он забыл завести. Спал урывками, тут же, в жилом отсеке, на койке, с которой предварительно снял чьи-то истлевшие вещи. Ел что придётся. Туча, которая всё-таки спустилась в пещеру на четвёртый день, лежала у порога и смотрела на хозяина с тем выражением, какое у собак означает крайнюю степень недоумения.

Через две недели прибор был почти готов.

Он стоял на столе — неуклюжий, собранный из разнородных деталей, опутанный проводами, как пациент в реанимации. Но в нём уже чувствовалась сила. Та особая, невидимая сила, которую Рябов ощущал теперь почти физически — как тепло от печки или холод от открытой двери.

Оставалось только испытать.

Испытать не на себе — с него хватило шлема. Испытать на ком-то, чей разум был достаточно крепок, чтобы результат был показательным, и достаточно незначителен в масштабах заставы, чтобы его временное помешательство не вызвало тревоги.

Кандидат напрашивался сам собой. Старшина Ковригин.

Рябов посмотрел на своё отражение в тёмном экране осциллографа. Отражение смотрело в ответ — и в его глазах уже не было того простого деревенского парня, который полтора года назад принимал присягу. Теперь там сидел кто-то другой.

— Ничего, — сказал он отражению. — Для первого раза

сойдёт и старшина.

Туча заскулила. Ей не нравился этот голос. Он был похож на голос хозяина, но принадлежал кому-то другому. Кому-то, кто больше не боялся медведей, тайги, начальства и, кажется, самого Бога — как бы иронично это ни звучало для человека, штудирующего книгу «Как узреть Бога».

Испытание он назначил на воскресенье. Воскресенье на заставе было днём особым: капитан Шмелёв уезжал в гарнизон — якобы на совещание, на деле же пополнять запасы календулы, — а личный состав предавался единственному доступному развлечению, а именно ничегонеделанию, регламентированному уставом как «время для культурно-массовой работы». Культурно-массовая работа состояла в том, что трое оставшихся бойцов резались в домино, а старшина Ковригин сидел в каптёрке и предавался мечтам о пенсии.

Рябов знал распорядок досконально. Знал также, что после обеда Ковригин выходит на крыльцо склада — покурить и посмотреть на тайгу тем особенным взглядом, каким человек смотрит на стену, зная, что за ней ничего нет, но надеясь на чудо. Это был идеальный момент. Расстояние от кромки леса до склада — четыреста метров. Дальность действия «Луча-М» — до пятисот. Всё сходилось, как патрон в патронник.

Прибор он тащил в вещмешке, бережно, как мину. Уста-

новил на пне за выворотнем, укрыл ветками, замаскировал антенну пучком прошлогодней травы. Со стороны — просто странный пенёк, мало ли их в тайге.

Подключил аккумуляторы, проверил контакты, сверился со схемой. Тумблер питания — в положение «включено». Генератор загудел едва слышно, как комар над ухом. Индикатор замигал зелёным.

В оптический прицел, снятый с карабина, он видел старшину отчётливо. Ковригин стоял на крыльце, щурясь от скудного осеннего солнца, и курил папиросу «Беломор». Лицо его выражало ту особую смесь скуки и смирения, какая бывает только у людей, чья жизнь прошла, а смысла в ней так и не обнаружилось.

Рябов навёл антенну. Руки не дрожали — странно, он ожидал волнения, но вместо него пришла холодная, почти хирургическая собранность. Пальцы легли на регулятор мощности.

«Начать с минимальной, — вспомнил он инструкцию. — Оценить реакцию. При отсутствии эффекта повышать на деление».

Щелчок. Луч пошёл.

Никакого видимого луча, разумеется, не было. Только лёгкое гудение прибора да показания амперметра, говорившие, что энергия расходуется. Рябов приник к оптике.

Первые секунды ничего не происходило. Ковригин затаился, выпустил дым, почесал щёку. Потом — замер. Па-

пираса выпала из пальцев и покатила по доскам крыльца, оставляя искры. Лицо старшины изменилось. Не исказилось — именно изменилось, словно кто-то стёр с него привычное выражение усталой озабоченности и нарисовал новое: детское, светлое, почти сияющее.

— Господи... — прошептал Ковригин. Рябов не слышал — видел по губам. — Господи, это Ты?

Старшина, член партии с двадцатилетним стажем, атеист по должности и по убеждению, медленно опустился на колени. По щекам его текли слёзы. Он смотрел в небо — нет, сквозь небо, куда-то дальше, куда-то, куда смотрит человек, вдруг обнаруживший, что Вселенная не пуста.

— Я слышу, — сказал Ковригин уже громче. — Я слышу Тебя. Что Ты хочешь? Что мне делать?

Рябов прибавил мощность. В книге говорилось, что на определённом пороге испытуемый перестаёт задавать вопросы и начинает воспринимать команды. Нужно только сформулировать. Чётко. Как в армии.

Он представил себе старшину, входящего в казарму. Представил, как Ковригин подзывает рядового Гаврилюка — молодого, неопытного, призванного последним призывом, — и говорит ему: «Ты сегодня заступаешь в караул за Рябова. Рябову нужен отдых. Это приказ». Представил — и словно толкнул эту мысль через прибор, как толкают патрон в ствол.

Ковригин вздрогнул. Выражение лица сменилось — те-

перь на нём читалась решимость. Он поднялся с колен, отряхнул брюки и быстрым шагом направился в казарму. Через минуту Рябов увидел, как Гаврилюк, недоумённо хлопая глазами, натягивает бушлат и берёт автомат. Ковригин стоял рядом и кивал — да, мол, давай, не спорь, я знаю, что делаю.

Получилось.

Рябов выключил прибор, и его накрыло. Не волной — цунами. Восторг, страх, торжество и что-то ещё, чему он пока не мог подобрать названия, смешались внутри и ударили в голову так, что он едва не расхохотался в голос. Он, рядовой Рябов, только что отдал приказ — не попросил, не убедил, а именно приказал, — и приказ был исполнен.

Старшина, перед которым он ещё вчера тянулся по стойке «смирно», стал его марионеткой.

Вот, значит, как это работает. Вот что чувствовали те, кто создал эту машину. Не страх, не ответственность — власть. Чистую, ничем не замутнённую власть, слаще которой нет ничего на свете.

Он сидел за выворотнем до темноты, перебирая в уме варианты. Можно заставить капитана подписать ему отпуск. Можно внушить повару, что он, Рябов, заслуживает двойную порцию. Можно... да всё что угодно. Весь мир — застава, гарнизон, страна — всё это теперь лежало перед ним, как нетронутая колода карт, и он был шулером, знающим все карты.

Но ближе к ночи эйфория схлынула, сменившись трез-

вым, даже циничным расчётом. Масштаб требовал осторожности. Одно дело — внушить старшине поменять наряд. Другое — заставить всех вокруг плясать под свою дудку. Пока — тайна. Пока — медленное, осторожное расширение влияния. Как плесень в сыром углу: сначала пятнышко, потом вся стена.

Он вернулся в пещеру, бережно уложил прибор в железный шкаф и запер на ключ. Туча, как обычно, лежала у входа, но теперь даже не подняла головы. Она больше не узнавала хозяина — или узнавала, но боялась.

Запах, который исходил от Рябова после сеансов, был ей неприятен: в нём появилось что-то металлическое, озонное, как после грозы.

— Ничего, Туча, — сказал Рябов, усаживаясь за стол и раскрывая книгу на главе «Массированное воздействие на группу лиц». — Привыкнешь. Все привыкнут.

Он читал до рассвета, делая пометки на полях. Почерк у него изменился — стал твёрже, угловатее. Как у человека, который больше не сомневается.

Следующие две недели прошли как в тумане. В буквальном смысле: тайгу накрыли плотные, молочно-белые туманы, и застава жила словно на дне колодца. Для Рябова это было подарком. Туман скрадывал звуки, прятал передвижения, позволял уходить в пещеру среди бела дня, не боясь, что кто-то заметит.

Он испытывал прибор почти ежедневно, каждый раз по-

вышая мощность и ставки.

Начал с Гаврилюка. Тот под воздействием луча признался, что тайком покуривает в карауле, и сам на себя написал рапорт. Старшина, прочитав рапорт, долго чесал в затылке — ничего подобного он за двадцать пять лет службы не видел, — но подшил в дело. Следующим был повар, которому Рябов внушил, что овсянка с тушёнкой есть высшее кулинарное достижение, достойное отдельной благодарности. Повар сиял третий день и готовил так, как не готовил никогда прежде.

Потом он добрался до капитана Шмелёва.

Внушать что-либо офицеру было сложнее. Воля капитана, закалённая многолетним сидением в тайге и регулярным употреблением спирта, сопротивлялась дольше. Но Рябов был терпелив. Три сеанса подряд, с каждым разом повышая мощность, — и Шмелёв вдруг проникся к рядовому Рябову такой симпатией, что объявил ему благодарность перед строем. «За добросовестное несение службы и инициативу в деле снабжения личного состава свежим мясом». Застава ахнула. Никто не помнил, чтобы Шмелёв вообще кого-то хвалил — он полагал, что служба сама по себе есть достаточная награда.

— Ты, Рябов, — сказал капитан после построения, отведя его в сторону, — давай... это... дружить, что ли.

И протянул руку. Рябов пожал её, стараясь не улыбнуться слишком откровенно. Рука капитана была вялой и влажной

— организм Шмелёва, даже под воздействием луча, не мог скрыть последствий многолетней дружбы с календулой.

— Есть, товарищ капитан. Дружить.

Вечером того же дня Рябов сидел в своём кресле в пещере и смотрел на прибор. Тот уже не казался ему грудой мёртвого железа. Прибор дышал. Прибор ждал. В его лампах теплился оранжевый свет, и этот свет гипнотизировал, как пламя костра. Рябов больше не нуждался в книге — он знал схему наизусть. Знал, как усилить сигнал, как расширить охват, как перестроить частоту под конкретного человека.

Знание росло. А вместе с ним росло и чувство собственной исключительности.

«Я изменился, — думал он, глядя на свои руки. — Я уже не тот Рябов, который дрожал перед старшиной. Я другой. Я... выше».

Слово «бог» он пока боялся произносить даже мысленно — слишком громко, слишком кощунственно для бывшего комсомольца. Но оно уже вертелось где-то на периферии сознания, как назойливая муха, которую не прогнать.

Шлем помог ему оформить эту мысль.

Он надевал его теперь каждую ночь — не для эксперимента, а для себя. Сидел в темноте, чувствовал, как сознание отделяется от тела, и летел сквозь звёзды. Голос, бывший когда-то чужим, стал привычным, почти родным. Они беседовали подолгу — точнее, Рябов задавал вопросы, а Голос отвечал. И ответы всегда были именно такими, какие он хотел

услышать.

«Кто я?» — спрашивал Рябов.

«Ты — тот, кто завершил начатое. Ты — наследник. Ты — новый вид».

«А те, кто был до меня? Они умерли?»

«Они освободились. Смерть — неточное слово. Они перешли на другой уровень. Их тела остались, но сознание... сознание ушло. Впрочем, ты можешь считать, что они погибли. Так проще для понимания».

«Я тоже погибну?»

Пауза. И затем — мягкий, обволакивающий ответ:

«Ты не погибнешь. Ты — исключение. Ты адаптировался лучше их. Луч оградит тебя. Луч — это не оружие. Это связь. Это путь. Ты стоишь на пороге, и дверь открыта. Осталось только шагнуть».

Рябов просыпался после таких сеансов с ощущением невероятной, распирающей грудь силы. Ему казалось, что он может всё. Что тайга расступится перед ним, что звёзды зажгутся по его приказу, что люди падут ниц, едва он поднимет руку.

Последняя мысль нравилась ему особенно.

На заставу пришла почта — раз в месяц прилетал вертолёт, сбрасывал мешок писем, газеты двухнедельной давности и ящик тушёнки, у которой срок годности истекал аккуратно в день доставки. Рябов получил письмо от матери. Она писала, что здорова, что собака скучает (старая, ещё его по

нему), что соседка тётя Клава передаёт привет и интересуется, не нужны ли Рябову тёплые носки. Обычное материнское письмо — полное заботы, тоски и невысказанного страха, что сын не вернётся.

Рябов прочитал его дважды. В первый раз — с привычной теплотой. Во второй — с раздражением.

«Что она понимает? — подумал он, и мысль эта была холодной, как лезвие ножа. — Носки. Собака. Тётя Клава. Она живёт в мире, который я могу изменить одним движением пальца. А беспокоится о носках».

Он скомкал письмо и бросил в печку. Потом, опомнившись, выхватил его из огня, расправил, перечитал. На глаза навернулись слёзы — настоящие, человеческие. Ему вдруг стало страшно. Не за мать — за себя. Та часть его души, которая ещё помнила запах домашнего хлеба и скрип половиц в родительском доме, сжималась в комок и кричала: «Остановись! Ты теряешь себя!»

Но другая часть — новая, растущая — заглушила этот крик легко, как глушат радиопомеху.

— Некогда сантименты разводить, — сказал Рябов вслух. — Работать надо.

Он сел за стол и начал чертить. Новый излучатель. Мощнее. Дальше. Такой, чтобы накрыть не одного человека, а целую заставу разом. А потом — почему нет? — целый гарнизон. А потом...

Он отложил карандаш и посмотрел на карту, висевшую на

стене. Карта была старая, ещё с грифами «секретно», и охватывала территорию от Урала до Дальнего Востока. Рябов обвёл взглядом пространство — тысячи километров тайги, гор, рек, городов, людей.

Людей. Миллионы людей. Каждый из которых — приёмник. Каждый из которых может услышать Его.

— Интересно, — пробормотал он, и голос его эхом отозвался под бетонными сводами, — как это — когда тебе молятся?

Туча, лежавшая у двери, подняла морду и тихо, протяжно завывала.

Рябов не обратил внимания. Он уже видел себя не в пещере, а где-то выше. Над тайгой. Над страной. Над миром. И мир смотрел на него снизу вверх — покорный, ждущий, готовый принять любую волю.

Гаврилюк был родом из-под Вологды и обладал тем типом сознания, который в армии называют «неиспорченным», а в гражданской жизни — «простоватым». Он верил в три вещи: в Бога, в мамку и в то, что старшие по званию всегда знают, что делают. Последнее обстоятельство делало его идеальным солдатом и совершенно беззащитным перед прибором Рябова.

Но у простоватости есть и обратная сторона. Гаврилюк не умел анализировать, зато умел чувствовать. А чувствовал

он в последнее время неладное.

Старшина Ковригин, всегда злой и придирчивый, стал ходить с блаженной улыбкой. Капитан Шмелёв, который раньше выходил из кабинета только затем, чтобы проверить караул или накричать на повара, теперь дважды в день заводил с рядовыми душевные беседы. Повар готовил так, будто ждал мишленовского инспектора. И все они — все до одного — смотрели на Рябова с выражением, которое Гаврилюк не мог определить иначе как «странное обожание».

Сам Рябов изменился до неузнаваемости. Куда делся тихий, незаметный парень, который прошлой осенью учил Гаврилюка ставить силки? Теперь он ходил по заставе так, словно она принадлежала ему. Говорил мало, но каждое его слово исполнялось немедленно, будто приказ генерала. И глаза — вот что пугало Гаврилюка больше всего. У Рябова были теперь глаза человека, который знает что-то, чего не знает никто, и это знание не приносит ему радости, но даёт власть.

Гаврилюк решил проследить за Рябовым.

Вечером, когда Рябов, по обыкновению, ушёл в лес, Гаврилюк двинулся за ним. Шёл осторожно, как учили, — против ветра, не хрустя ветками, замирая каждые десять шагов. Тайга в темноте жила своей жизнью: где-то ухал филин, шуршала в подлеске какая-то мелочь, далеко, у Лысого распада, ревел медведь. Гаврилюк вздрагивал, но шёл.

До провала он не дошёл — Рябов вдруг остановился и повернул голову. Не назад, не по сторонам — а именно в ту

сторону, где прятался Гаврилюк. И улыбнулся.

— Выходи, Гаврилюк. Не прячься. Я знаю, что ты здесь.

Голос звучал буднично, даже ласково, но от этой ласковости у Гаврилюка мороз продрал по спине. Он вышел из-за кедра, чувствуя себя школьником, застуканным за курением.

— Я это... Рябов... я просто гулял.

— Гулял, — повторил Рябов, и в голосе его прорезалась та самая, новая, металлическая нотка. — Гулял в двух километрах от заставы в запретной зоне. За мной гулял. Верно?

Гаврилюк молчал. Рябов подошёл ближе, и в лунном свете Гаврилюк увидел, что он держит в руке. Не автомат — странный предмет, похожий на пистолет с антенной вместо ствола. Портативный излучатель. Рябов собрал его три дня назад и ещё не испытывал.

— Хочешь знать, куда я хожу? Хочешь знать, почему старшина улыбается, а капитан пьёт меньше обычного? Хочешь знать, что я такое?

Гаврилюк хотел ответить «нет», но язык не слушался.

— Я покажу, — сказал Рябов и поднял прибор.

Нажатие кнопки. Тихий писк. И мир для Гаврилюка изменился.

Потом, много позже, он пытался описать это словами — и не мог. Это было, как если бы все молитвы, которые он когда-либо произносил, были услышаны разом. Как если бы мамка, далёкая, любимая, вдруг оказалась рядом и положила руку на плечо. Как если бы небо разверзлось, и оттуда хлы-

нул свет — не слепящий, а тёплый, родной, обещающий, что всё будет хорошо, всё правильно, всё так, как надо.

И в центре этого света стоял Рябов.

— Ты видишь? — спросил он. Голос звучал теперь как колокол — глубоко, объёмно, проникая в каждую клетку.

— Вижу... — прошептал Гаврилюк и упал на колени. Он не хотел падать — ноги подогнулись сами. — Господи... это Ты?

Рябов улыбнулся. На этот раз — откровенно, широко, как улыбается человек, который долго ждал этого вопроса и наконец дождался.

— Я, — сказал он. — Встань.

И Гаврилюк встал. И пошёл за ним. И делал всё, что тот говорил.

А Рябов шёл впереди, и в голове его звучала одна-единственная мысль, простая и страшная: «Теперь их двое. Ковригин и Гаврилюк. Завтра будет трое. Послезавтра — десять. А потом я уже не буду нуждаться в приборе. Они сами понесут мою волю дальше, как чуму, как огонь по сухой траве».

И эта мысль не пугала его. Она грела.

Тайга расступалась перед ним, и в лунном свете его фигура казалась огромной, почти нечеловеческой. Может быть, потому, что человеческого в нём оставалось всё меньше.

Мать в городе N, ложась спать, вдруг проснулась от непонятной тревоги. Сердце колотилось, как перед бедой. Она

зажгла свет, посмотрела на фотографию сына в рамке и перекрестилась — сама не зная, зачем.

— Жив бы был, — прошептала она. — Жив бы был, остальное приложится.

Она не знала, что «остальное» — это именно то, чего следовало бояться.

Усилитель Рябов строил две недели. Две недели, в течение которых застава жила своей странной, искажённой жизнью: старшина Ковригин, окончательно превратившийся в апостола, ходил за Рябовым с выражением преданности, какое бывает у старых псов, уже не способных к охоте, но ещё готовых умереть за хозяина. Гаврилюк исполнял обязанности ординарца — молчаливо, истово, с тем особым рвением, какое вызывает только подлинная вера. Капитан Шмелёв, сам того не понимая, подписал три рапорта о списании оборудования, которое Рябов перетащил в пещеру, — и ни разу не спросил, зачем и куда.

Усилитель получился громоздким. Он занимал почти весь главный зал лаборатории: четыре армейских аккумулятора, соединённых параллельно, генератор, собранный из деталей списанной радиостанции, и главная гордость Рябова — излучатель, смонтированный на основе параболической антенны РЛС, которую он разобрал и вынес по частям с вещевого склада гарнизона. Антенна была рассчитана на пять ки-

лометров направленного действия — достаточно, чтобы накрыть весь гарнизон с его казармами, штабом, гауптвахтой и офицерским общежитием.

Портативный излучатель, который Рябов теперь носил на поясе под бушлатом, был лишь бледной тенью того, что стояло в пещере. Там, под землёй, вызревала настоящая сила. И день её крещения приближался.

Гарнизон N-ской части располагался в сорока трёх километрах от заставы и представлял собой классический образец военного городка, забытого Богом и Генштабом. Три сотни человек личного состава, офицеры с жёнами, прапорщички с амбициями, срочники с тоской во взгляде. По воскресеньям туда ходил вездеход — если было горячее. Если не было, связь с внешним миром осуществлялась посредством почтового вертолёта и слухов, которые текли по тайге быстрее радиоволн.

Рябов выбрал воскресенье — день, когда в гарнизонном клубе крутили кино. Фильм был старый, про войну, и на него собирался почти весь личный состав, свободный от нарядов. Лучшая аудитория, какую только можно представить: три сотни человек в замкнутом пространстве, погружённые в полутьму и патриотический пафос. О такой выборке любой социальный психолог продал бы душу — и Рябов, сам того не зная, становился социальным психологом высшей пробы, только без диплома и моральных ограничений.

Он прибыл в гарнизон на попутном вездеходе вместе с ка-

питаном Шмелёвым, который отправлялся «на совещание» — то есть к знакомому начпроду.

Никто не удивился, что рядовой Рябов сопровождает командира. После благодарности перед строем это воспринималось как должное. Армия — организм простой: если начальство довольно, значит, так и надо.

Клуб был набит до отказа. Пахло портянками, дешёвым табаком и тем особым запахом коллективного ожидания, какой бывает только в армейских клубах перед сеансом.

Рябов сел в последнем ряду, у стены, где экранирование было минимальным, а угол обзора — максимальным. Прибор, который он собрал в пещере, остался на заставе, но портативный излучатель лежал в вещмешке, настроенный на частоту, которую Рябов теперь чуял почти физически — как музыкант чует фальшивую ноту.

Он не стал включать прибор сразу. Дождался середины фильма — того самого момента, когда главный герой произносит речь перед атакой, и в зале наступает тишина, полная сдерживаемых эмоций. Идеальный момент. Эмоциональный пик делает сознание податливым — в книге это называлось «состояние повышенной внушаемости». У всех народов и во все времена именно так работали проповедники, шаманы и вожди. Рябов лишь добавил к этому техническое оснащение.

Он нажал кнопку.

На этот раз он не стал мелочиться. Никаких пробных воздействий, никаких осторожных внушений. Он ударил по все-

му залу сразу — широким полем, накрывшим три сотни человек, как невод накрывает рыбу. И зал поплыл.

Сначала настала тишина. Не та, что бывает в кино, а другая, глубокая, какая наступает в храме после слов «Станем добре, станем со страхом». Потом — вздох, вырвавшийся у трёх сотен глоток одновременно. Потом — лица. Рябов видел их в отсветах экрана: застывшие, обращённые в одну точку, с выражением того самого детского, незамутнённого восторга, который он уже научился вызывать у Ковригина, Гаврилюка и прочих.

Но теперь это было массово.

Он внушал им не что-то конкретное — пока. Он внушал состояние. Ощущение присутствия. Уверенность, что где-то рядом, в этом самом зале, находится некто, кому стоит доверять. Некто, чьи слова весомее устава. Некто, кому хочется подчиниться.

Через десять минут он выключил прибор. Фильм продолжался, но никто уже не смотрел на экран. Люди переглядывались с тем особым выражением, какое бывает у свидетелей чуда, — они не понимали, что произошло, но знали: что-то изменилось.

Рябов вышел из клуба и закурил. Руки слегка дрожали — не от страха, от возбуждения. Он только что провёл первый массовый сеанс, и он прошёл успешно. Теперь следовало закрепить результат.

План был прост и оттого особенно изящен. В течение сле-

дующих недель он будет приезжать в гарнизон под разными предлогами — больной зуб, помощь на складе, сопровождение капитана. С каждым визитом — сеанс. С каждым сеансом — усиление эффекта. Через месяц-два ни один человек в части не сможет противиться его воле. А дальше...

Дальше — комиссование.

Он продумал и это. Комиссоваться по здоровью — дело в армии долгое и муторное, требующее кучи бумаг, обследований и подписей. Но что, если все, от кого зависят эти подписи, будут испытывать к рядовому Рябову непреодолимую симпатию? Что, если гарнизонный врач вдруг обнаружит у него «астенический синдром на фоне переутомления», а начальник медслужбы без разговоров утвердит заключение? Что, если сам комбриг, приехав с инспекцией, почувствует, что Рябову нужно помочь, — и подпишет приказ об увольнении в запас по состоянию здоровья, с сохранением всех льгот и выплат?

Всё это было реально. Более чем реально. Это было лишь вопросом времени и мощности.

Он вернулся на заставу поздно ночью. Туча встретила его у ворот — она теперь всегда ждала, словно надеялась увидеть прежнего хозяина. Но, взглянув в его глаза, отступила и легла в снег, положив морду на лапы. Она больше не скулила. Она просто ждала — так ждут беду, которую нельзя предотвратить.

Рябов прошёл в каптёрку. Ковригин не спал — сидел над

какими-то бумагами и, увидев вошедшего, вскочил.

— Сиди, — сказал Рябов и сел напротив. — Разговор есть.

Он говорил долго. О том, что ему нужно уехать. Что за-става — лишь начало. Что там, на воле, его ждёт великое дело. Что Ковригин — не просто старшина, а избранный, один из первых, кому открылась истина. Что когда Рябов уйдёт, Ковригин останется здесь — его глазами и ушами, его опорой в этом краю.

Ковригин слушал, и по его щекам текли слёзы. Он не понимал половины сказанного, но чувствовал — чувствовал! — что присутствует при чём-то великом.

— Я всё сделаю, — сказал он. — Всё, что скажешь. Ты только... ты не забывай нас. Когда станешь... кем станешь.

— Не забуду, — пообещал Рябов, и в этом обещании не было лжи. Он действительно не собирался их забывать. Они были его первыми. Его паствой. Его апостолами — двенадцать он, правда, пока не насчитал, но и это было вопросом времени.

Комиссование прошло именно так, как он рассчитывал, — гладко, быстро, почти буднично. Словно невидимая рука расчищала путь.

Гарнизонный врач, майор медицинской службы Завьялов, человек жёлчный и придирчивый, славившийся на всю округу тем, что не подписывал даже очевидные случаи плоско-стопия, вдруг проникся к рядовому Рябову необъяснимой

симпатией. Он долго листал медицинскую карту, хмурился, но в конце концов вывел заключение, в котором значилось: «Астено-невротический синдром. Хроническое переутомление. Реактивная депрессия средней тяжести. К дальнейшему прохождению службы не годен. Подлежит увольнению в запас с категорией "В"».

Начальник медслужбы, полковник с лицом печёного яблока, утвердил заключение не глядя — он в тот день испытывал странный душевный подъём и вообще был склонен к благотворительности. Начальник штаба, которому полагалось проверить документы, тоже не стал вникать — у него болела голова, а когда он случайно встретил Рябова в коридоре, головная боль вдруг прошла, и он счёл это добрым знаком.

Через три недели приказ об увольнении был подписан. Рябов получил документы, проездные до города N, денежное довольствие за два месяца вперёд и справку о том, что рядовой Рябов В.А. с честью выполнил свой долг перед Отечеством.

Чести в том, что он сделал, не было ни грамма. Но кого это волновало?

Перед отъездом он спустился в пещеру в последний раз. Постоял у прибора, который теперь молчал — аккумуляторы он предусмотрительно отключил, но разбирать не стал. Ещё пригодится. Ещё вернётся — или пришлёт кого-нибудь. Лаборатория была слишком ценной, чтобы бросать её навсегда.

Он взял с собой только книгу — в вещмешок, под смену белья, — и портативный излучатель. Остальное законсервовировал, опечатал вход, завалил провал лапником. Теперь найти пещеру мог только тот, кто знал, что искать. А знали двое: он и Гаврилюк. Гаврилюк не в счёт — Гаврилюк скорее умрёт, чем выдаст.

На заставе с ним прощались странно. Шмелёв жал руку долго и горячо, словно провожал не рядового, а по меньшей мере равного. Ковригин плакал. Повар испёк пирог с брусникой — неслыханное дело. Гаврилюк стоял в стороне и смотрел тем взглядом, каким смотрит пёс, когда хозяин уходит на войну, — знает, что может не вернуться, но верит, что вернётся непременно.

Туча выла.

Она выла всё утро, с того самого момента, как Рябов надел парадную форму. Выла, пока вездеход не скрылся за поворотом. И потом, как рассказал Ковригин в одном из своих писем, ещё три дня лежала у ворот, отказываясь от еды, а потом ушла в тайгу и не вернулась. Может, нашла медведя. Может, просто решила, что ждать больше некого.

Рябов, узнав об этом позже, не почувствовал ничего. Только лёгкую досаду — хорошая была собака.

Поезд увозил его на запад, прочь из тайги, прочь от заставы, прочь от прежней жизни. За окном проплывали леса, полустанки, редкие деревушки, где жизнь текла так же медленно, как сто лет назад. Рябов смотрел на всё это и думал о

том, как мало эти люди знают. Как мало они понимают. Они живут, рожают детей, ходят на работу, умирают — и ни разу не задаются вопросом, кто на самом деле управляет их жизнью. Вернее, кто *может* управлять.

Теперь он знал ответ.

Он достал из вещмешка книгу, раскрыл на главе «Формирование устойчивых религиозных сообществ». Автор — некто профессор Ганнушкин, чья фамилия была Рябову смутно знакома, — писал сухо и деловито, словно речь шла не о душах, а о поголовье скота: «Для создания устойчивой секты необходимо три элемента: харизматический лидер, подтверждённое чудо и чёткая иерархия посвящённых.

Первое обеспечивается носителем прибора. Второе — самим прибором. Третье — постепенным введением градаций доступа к чуду. Начинать следует с малой группы — пять-семь человек, лично завербованных лидером идеальное количество восемь.

Расширение группы ведётся по принципу цепной реакции: каждый новый адепт приводит двух-трёх новых, и так до бесконечности».

Дальше шли расчёты, графики, формулы. Рябов читал их с лёгкостью, которой сам от себя не ожидал, — то ли шлем перестроил его мозг, то ли просто включились скрытые резервы. Он понимал теперь, что секта — не метафора, не образ, а технология. Такая же технология, как сборка автомата или установка силка. И технология эта работала безотказно.

Он отложил книгу и закрыл глаза. Под стук колёс думалось легко и приятно. Он представлял себе будущее — пока в общих чертах, но контуры уже проступали.

Новый город. Не N, куда он писал матери, — N был слишком мал, слишком провинциален, слишком пропитан воспоминаниями о прежнем Рябове. Нет, город должен быть крупнее. Областной центр. Место, где много людей и много проблем. Люди с проблемами — лучший материал. Одинокие, разочарованные, потерявшие смысл жизни. Они придут сами, стоит только зажечь свет.

Новое имя. Не Рябов — слишком обычно, слишком по-деревенски. Что-нибудь звучное, запоминающееся, с оттенком тайны. Учитель? Слишком банально. Пророк? Слишком претенциозно. Он ещё не придумал, но чувствовал, что имя придёт само, когда настанет время.

Новое учение. Не какая-нибудь доморощенная секта с бубнами и плясками — нет. Серьёзная, уважаемая организация. С элементами науки, философии, эзотерики. Чтобы в неё поверили не только домохозяйки, но и люди с положением. Врачи. Инженеры. Бывшие военные. Священники-расстриги — эти особенно ценны, они приносят с собой паству и знание церковных механизмов изнутри.

Новая религия.

Вот оно, слово. Религия. Не кружок по интересам, не клуб духовного роста — именно религия. Со своими обрядами, догматами, священными текстами. С книгой «Как узреть Бо-

га» в качестве тайного канона — не для всех, только для посвящённых высших ступеней. С прибором в алтаре — скрытым, но действующим. С лучом, который будет давать людям то, чего они больше всего хотят: уверенность. Надежду. Ощущение, что их жизнь имеет смысл.

А взамен — всего лишь послушание. Всего лишь готовность исполнять волю Того, Кто Знает.

Рябов улыбнулся, и в стекле вагона, на фоне проплывающих сосен, его улыбка отразилась как улыбка совершенно чужого человека. Того, прежнего Рябова, больше не существовало. Остался сосуд, наполненный чужой волей и собственным, пока ещё робким, но уже растущим ощущением всемогущества.

Поезд уносил его к новой жизни.

Где-то впереди, в городе, название которого он ещё не выбрал, его ждали люди, которым он подарит Бога. И Бог этот будет с антенной.

Областной центр встретил Рябова серым небом, слякотью и той особой суетой, какая бывает только в городах, где людям всё время некогда, а куда они спешат — не знает никто. После тайги здесь было душно, шумно и непривычно. Рябов шёл по привокзальной площади, вдыхая запах бензина и мокрого асфальта, и чувствовал себя марсианином, высадившимся на незнакомой планете.

Но дисконфорт быстро прошёл. Он снял комнату на окраине — у старухи, которая не задавала вопросов, потому что вопросы требуют усилий, а усилия в её возрасте противопоказаны. Комната была маленькая, с обоями в цветочек и видом на трамвайное кольцо, но Рябову было всё равно. Не жить сюда он приехал.

Первые дни он просто наблюдал. Ходил по городу, сидел в скверах, заходил в магазины, присматривался к людям. Город был полон потерянных душ — это бросалось в глаза. Девяностые годы, о которых так много говорили в новостях, ещё не наступили, но их тень уже лежала на лицах прохожих. Люди чувствовали, что привычный мир скоро рухнет, и искали, за что ухватиться. Идеальный момент для нового учения.

Первого адепта он нашёл на автобусной остановке.

Это был мужчина лет сорока, плохо одетый, с лицом, на котором читалась долгая история неудач. Он стоял у расписания, но смотрел не на номера маршрутов, а куда-то внутрь себя — туда, где, видимо, было совсем темно. Рябов подошёл и встал рядом. Ни слова не говоря, включил портативный излучатель.

Мужчина вздрогнул, повернул голову. В его глазах — тех самых, что минуту назад были пусты, как окна заброшенного дома, — зажёгся свет.

— Вы... кто вы? — спросил он.

— Тот, кто тебя понимает, — ответил Рябов. — Пойдём.

Поговорим.

И они пошли. Мужчину звали Виктор. Он был бывшим инженером, уволенным по сокращению, бывшим мужем, брошенным женой, бывшим сыном, похоронившим мать полгода назад. Сплошное «бывший» — человек в прошедшем времени. Такие, как он, — лучший материал. Они не сопротивляются чуду, потому что чудо — единственное, чего у них ещё не отнимали.

Разговор длился час. Рябов говорил мало, больше слушал. Он уже знал из книги: людям не нужно, чтобы их учили. Им нужно, чтобы их слушали. Прибор делал всё остальное — создавал ту особую атмосферу доверия, в которой любое слово падает в подготовленную почву.

Через час Виктор согласился прийти на собрание. «Собрания» пока не было — но Рябов уже знал, что оно будет.

Второго он нашёл в очереди за хлебом. Третью — в библиотеке. Четвёртого — на скамейке в парке. Все они были разными и в то же время одинаковыми: одинокие, растерянные, ждущие. Они не знали, чего ждут, но когда появлялся Рябов с его тихим голосом и странным блеском в глазах, они вдруг понимали: ждали именно его.

Первое собрание прошло через две недели в арендованном подвале — бывшем бомбоубежище, которое Рябов снял за символическую плату. Ирония судьбы: его церковь началась в бомбоубежище, как и лаборатория. Бетонные стены, тусклый свет, запах сырости — он чувствовал себя по-

чти дома.

Пришли семеро. Рябов сидел в центре на простом деревянном стуле, и портативный излучатель, спрятанный под курткой, работал на минимальной мощности — ровно столько, чтобы создать фон. Не подавлять, не приказывать — лишь внушать смутное, тёплое чувство сопричастности.

— Вы пришли, потому что искали, — сказал он. Голос звучал мягко, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами. — Вы искали ответы. Вы искали смысл. Вы искали кого-то, кто скажет: ты не один. И вы нашли.

Женщина в первом ряду — та самая, из библиотеки, — заплакала. Виктор сидел с каменным лицом, но руки его дрожали. Остальные слушали затаив дыхание.

— Я не пророк, — продолжал Рябов. — Я просто тот, кто увидел свет и может показать его вам. Я не требую веры. Я предлагаю знание. Реальное, осязаемое знание. Вы почувствуете его. Сегодня. Сейчас.

Он поднял руку — простой жест, но для них, уже плывущих в поле излучателя, он был как взмах крыла. И в этот момент он прибавил мощность.

Эффект был мгновенным. По лицам собравшихся пробежала волна — не боль, не страх, а то самое, уже знакомое Рябову по заставе выражение благоговения. Они смотрели на него, и в их глазах он видел себя — увеличенного, окружённого сиянием, почти нечеловеческого.

— Учитель... — прошептал кто-то.

И слово это упало в тишину, как семя в землю.

Рябов ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел на них — своих первых, своих настоящих. Застава была пробой пера. Здесь начиналось настоящее. Здесь, в этом сыром подвале, с семьёю людьми, которые завтра приведут ещё семерых, а те — ещё, рождалась религия.

Его религия.

Через месяц община насчитывала тридцать человек. Ещё через месяц — восемьдесят. Они собирались в подвале, потом в арендованном спортзале, потом в бывшем кинотеатре, который один из новообращённых, владелец сети ларьков, выкупил за бесценок и передал в дар. Рябов не просил — люди отдавали сами.

Название пришло само — «Путь». Просто и ёмко. Никаких «братств», «церквей», «храмов» — только «Путь». Каждый, кто приходил, искал свой путь, и каждый находил его — в Рябове, в приборе, в том странном, тёплом свете, который разливался по телу во время собраний.

Слухи о новом учении ползли по городу. Говорили разное: одни — что появился целитель, другие — что экстрасенс, третьи — что сектант-гипнотизёр. Но говорили. И люди шли. С каждым днём всё больше.

Рябов выступал теперь три раза в неделю. Он больше не нуждался в портативном излучателе — в зале, на сцене, под фанерной обшивкой был спрятан стационарный прибор, со-

бранный по той же схеме, что и в пещере. Перед каждым выступлением помощник — Виктор, ставший правой рукой, — включал его, и зал наполнялся невидимым полем, превращавшим обычную речь в откровение.

Рябов вошёл во вкус. Он уже не просто читал проповеди — он импровизировал, чувствуя, как каждое слово резонирует с толпой. Он говорил о космосе, о скрытых силах разума, о том, что человек — лишь ступень к чему-то большему. Он никогда не упоминал Бога напрямую — слово «Бог» было слишком старым, слишком затёртым. Вместо этого он говорил «Источник», «Свет», «Истинное Я». Люди слушали, затаив дыхание, и выходили после собраний обновлёнными — или думали, что обновлёнными.

Однажды вечером, сидя в своей комнате у старухи (он всё ещё жил там — не из скромности, а из осторожности: лидер не должен афишировать быт), Рябов достал книгу и перечитал главу, с которой всё началось. «Как узреть Бога». Теперь он понимал это название иначе. Узреть Бога — значит создать его. Не найти, не дожидаться, а создать. Своими руками. Из проводов, аккумуляторов и чужого одиночества.

И он создал.

Он, рядовой Рябов, бывший пограничник, бывший сын, бывший человек — он стал богом. Маленьким, местного масштаба, но богом. Со своей паствой, своей церковью, своими чудесами.

Осталось только расширить масштаб. И он знал как.

В городе была телестудия. Одна из тех новых, коммерческих, что плодились как грибы после дождя и искали дешёвый контент. Рябов уже навёл справки. Директор — человек амбициозный и не слишком разборчивый. С ним стоило поговорить. Лично.

Рябов убрал книгу в тайник, поправил излучатель под курткой и вышел в ночь. Город спал, не зная, что в одном из его дворов, в старом доме с трамвайным звоном за окном, живёт человек, который намерен изменить мир.

И, что самое страшное, у него почти получалось.

Глава вторая. В которой в игру вступают новые силы, а герой, сам того не зная, перестаёт быть охотником

Полковник Лиханин служил в Управлении, которое не имело вывески на фасаде, почтового адреса в открытых реестрах и названия в телефонных справочниках. Те, кто знал о его существовании, называли его «конторой» — с той особенной интонацией, какая подразумевает, что дальнейшие расспросы неуместны. Сам Лиханин предпочитал термин «Управление секретного взаимодействия» — сухо, казённо, ничего не говоряще. Именно так, по его мнению, и должно выглядеть название организации, занимающейся вещами, которых не может быть.

Вещи, которых не может быть, составляли его повседневность вот уже двадцать три года.

Кабинет полковника был обставлен с тем особым безли-

ким вкусом, какой вырабатывается у людей, привыкших к тому, что любой предмет обстановки может однажды стать вещественным доказательством. Стол казённого образца. Сейф с шифром, который менялся раз в неделю. На стене — карта страны, исчерканная значками, понятными лишь посвящённому. И телефон что соединял его с людьми, чьих фамилий он и сам не знал, а знал только оперативные позывные.

В то утро на стол легла сводка.

Лиханин читал медленно, шевеля губами — привычка, приобретённая ещё в те времена, когда сводки писали от руки и под копирку. Теперь бумагу печатал бесшумный принтер, но содержание от этого не становилось менее тревожным.

«Областной центр N-ской области. Зафиксирован аномальный рост религиозной группы, именующей себя "Путь". За последние три месяца численность группы увеличилась с семи до трёхсот сорока человек. Темпы роста — 1200% в месяц. Характер вербовки: добровольный, цепной. Завербованные описывают состояние "необычайного душевного подъёма", "присутствия высшей силы", "контакта с Источником" во время собраний. Лидер группы — лицо, именующее себя Учителем, предположительно Виктор Рябов, бывший военнослужащий срочной службы, комиссованный по состоянию здоровья три месяца назад. Прилагаем психологический профиль...»

Дальше шли графики, таблицы, аналитические выкладки. Но Лиханину не нужны были графики. Он видел то, что скрывалось за цифрами. Скорость роста исключала естественные причины. Ни один харизматик, ни один даже самый одарённый проповедник не мог обеспечить такой прирост без дополнительных средств. А дополнительные средства были известны.

Аппаратура типа «Альфа».

Та самая, которую разрабатывали в восьмидесятых в закрытых лабораториях. Та самая, из-за которой погибли — или исчезли, что в их деле было синонимом, — шесть ведущих специалистов. Та самая, которую он, Лиханин, лично приказал законсервировать, а документацию изъять и уничтожить.

Не уничтожили. Или не всю.

Он снял трубку того самого телефона.

— Первый, — сказал он, когда на том конце ответили. — Сводку по объекту «Путь» видел?

— Видел, — голос в трубке был сух и бесцветен, как осенняя трава. — Твои выводы?

— Случайность исключена. Кто-то нашёл одну из старых точек. Или документацию. Или — хуже — действующий образец. Почерк узнаваем: теменная доля, тета-ритм, индуцированный религиозный экстаз. Классика «Альфы».

Пауза. Потом:

— Что предлагаешь?

— Первое: направить запрос в надзорные органы на местах. Пусть проведут официальную проверку — налоговая, пожарные, санитарная инспекция. Это даст нам легальный повод для наблюдения. Второе: выслать агента с детектором. Если там работает прибор, детектор его засечёт. И тогда — изъятие, зачистка всё по протоколу.

— Кого пошлешь?

Лиханин уже знал ответ. У него было трое оперативников, способных работать с подобной техникой. Один лежал в госпитале после провала в Средней Азии. Второй был задействован в операции на Кавказе. Оставался третий.

— Кайсарова. Больше никому.

Снова пауза. Кайсаров был лучшим, но у лучших всегда есть изъян — иначе они не были бы лучшими. Его изъяном была дотошность, граничащая с одержимостью. Он не просто выполнял приказ — он докапывался до истины, даже когда истина была никому не нужна. В их ведомстве это качество считалось опасным.

— Добро, — сказал голос. — Но предупреди: действовать строго в рамках. Никакой самостоятельности. Обнаружил — доложил. Решение о зачистке принимаем наверху.

— Принято.

Лиханин положил трубку и откинулся в кресле. Что-то не давало ему покоя. Не сам факт обнаружения прибора — к этому он был готов. Что-то другое. Какая-то деталь, зацепившаяся за край сознания.

Рябов. Рядовой срочной службы. Комиссован три месяца назад. Справка из госпиталя: «астено-невротический синдром». И — внезапный взлёт в качестве лидера секты. Совпадение? Лиханин в совпадения не верил.

Он выдвинул ящик стола и достал тонкую папку с грифом «Особой важности». Дело № 17-А. Лаборатория «Альфа-4». Местонахождение неизвестно. Сотрудники — шестеро — предположительно погибли при невыясненных обстоятельствах. Дата консервации — 1986 год.

Где-то в тайге, на севере N-ской области, была застава, к которой был приписан рядовой Рябов. И где-то там же, в непроходимом буреломе, скрывалась лаборатория, которую он, Лиханин, искал уже семь лет.

Он захлопнул папку.

— Нашёлся, — сказал он в пустоту кабинета. — Гадёныш.

Кайсаров прибыл в областной центр N-ской области серым ноябрьским утром, когда дождь смешивался со снегом, а небо напоминало старую шинель — такое же тяжёлое, бесформенное, без единого просвета. Он вышел из поезда с одним чемоданом — небольшим, но тяжёлым: в нём, упакованный в поролон, лежал детектор.

Детектор был собран в единственном экземпляре, в той же лаборатории, что когда-то создала «Альфу». Те, кто его проектировал, исходили из простого принципа: если ты создал оружие, создай и защиту от него. Прибор улавливал электромагнитные колебания частотой от 4 до 8 герц и моду-

ляцию, характерную именно для «Альфы». Против обычно-го гипнотизёра он был бесполезен. Против того, кто использовал «Луч», — незаменим.

Внешне детектор походил на старый кассетный плеер, и Кайсаров носил его именно так — на поясе, с наушниками, словно слушал музыку. Никто не обращал внимания. Люди в девяностые годы вообще обращали мало внимания на окружающих — каждый выживал как мог, и чужая жизнь интересовала их не больше, чем вчерашняя сводка погоды.

Он снял комнату недалеко от центра, в гостинице для командировочных, где пахло хлоркой и жареным луком, и в первый же вечер отправился в город. Адрес «Пути» был известен — бывший кинотеатр «Октябрь», выкупленный каким-то лоточником и переданный секте. Сеансы проходили трижды в неделю: вторник, четверг, воскресенье. Сегодня был вторник.

Кайсаров подошёл к зданию за полчаса до начала. Народ уже собирался — человек сто, может, больше. Он встал в стороне, под козырьком соседнего дома, и включил детектор.

Стрелка дёрнулась сразу.

Прибор работал. Где-то внутри здания, скорее всего за сценой или под ней, находился источник модулированного излучения. Мощность — судя по показаниям — достаточная, чтобы накрыть зал целиком. Кайсаров присвистнул. Он ожидал найти любителя, самоучку, собравшего нечто по обрывкам документации. Но это была профессиональная рабо-

та. Либо Рябов — гений-самородок, либо у него была полная документация.

И то и другое не сулило ничего хорошего.

Он не пошёл внутрь. Прибор «Альфа» воздействовал на теменную зону, а детектор, хоть и предупреждал об излучении, не давал полной защиты. Попадать под чужое поле, не изучив противника, было глупо. Кайсаров не был глуп.

Вместо этого он отправился в городскую библиотеку — ту самую, где Рябов нашёл одну из первых своих последовательниц, — и провёл там остаток вечера, просматривая подшивки местных газет и беседуя с персоналом. Женщина за стойкой, полная блондинка с усталыми глазами, охотно рассказывала о новом «духовном центре». Она сама была там дважды и оба раза «чувствовала нечто такое... необъяснимое». Кайсаров слушал, кивал, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— А Учитель? — спросил он как бы между прочим. — Каков он из себя?

— Молодой, — женщина мечтательно закатила глаза. — Совсем молодой. Но говорит — как старец. И глаза... в них смотришь и тонешь. Спрашивала его — откуда он, а он только улыбается. Говорит, из тайги. Представляете? Из тайги.

Кайсаров представлял. Очень хорошо представлял. Особенно после того, как изучил личное дело рядового Рябова, полученное по факсу из штаба округа.

К одиннадцати вечера он вернулся в гостиницу, запер

дверь и разложил на столе карту города. Отметил кинотеатр, дом, где снимал квартиру Рябов (адрес дал осведомитель из местных), и адреса ближайших сподвижников — тех, что фигурировали в сводке.

План вырисовывался такой: завтра — наблюдение за объектом. Четверг — попытка внедрения под видом ищущего истину. Пятница — доклад Лиханину. И если всё подтвердится — зачистка в воскресенье.

Он уже собирался лечь, когда в дверь постучали. Кайсаров сунул руку под подушку, где лежал пистолет, и спросил:

— Кто?

— Горничная. Полотенца принесла.

Голос был женский, спокойный. Кайсаров открыл — на пороге действительно стояла горничная, пожилая женщина с копной крашенных волос. Она протянула стопку полотенец и вдруг замерла, глядя на его стол.

— Простите, — сказала она, — у вас тут... свет. Не замечаете?

Кайсаров обернулся. На столе, в окружении карт и бумаг, лежал детектор. Его индикатор горел зелёным — ровно, спокойно. Он показывал фон. Но теперь Кайсаров заметил то, на что не обратил внимания раньше: стрелка едва заметно подрагивала. В такт. Словно где-то поблизости, на границе чувствительности, работал источник.

Он подошёл к окну. Гостиница стояла на тихой улице, в

трёх кварталах от кинотеатра. Слишком далеко для направленного луча. Значит, либо у Рябова был усилитель чудовищной мощности, либо...

Либо передатчик работал не только в кинотеатре.

— Спасибо, — сказал он горничной. — Свет не замечаю. Наверное, от вывески.

Он закрыл дверь, сел на кровать и долго смотрел на подрагивающую стрелку.

Город был накрыт полем. Не весь город — пока, — но значительная его часть. Рябов, сам того, возможно, не понимая, создавал не просто секту. Он создавал зону покрытия. И зона эта росла.

Кайсаров достал сигарету, закурил и подумал, что Лиханин, как всегда, недооценил противника. Впрочем, это было не в первый раз.

Рябов почувствовал опасность за три дня до приезда Кайсарова.

Это не было предчувствием в мистическом смысле — он давно перестал верить в мистику, зная, что за каждым «чудом» стоит конкретная частота и конкретная мощность. Скорее, это была интуиция, обострённая месяцами работы с прибором. Как у зверя, который чует капкан раньше, чем увидит его.

Кроме того, были и вполне материальные сигналы. В «Путь» пришли проверяющие — налоговая инспекция, пожарный надзор, санэпидстанция. Все в один день. Все с до-

тошными вопросами и странным выражением лиц — не враждебным, но и не дружеским. Профессиональным. Таким, какое бывает у людей, выполняющих приказ, смысла которого они сами не понимают.

Рябов знал этот взгляд. Он видел его у штабных офицеров, приезжавших на заставу с инспекцией, — людей, которые не решают, а исполняют. Кто-то спустил им команду. Кто-то наверху заинтересовался «Путём».

И этот «кто-то» явно знал, что искать.

Вечером того же дня Рябов сидел в своей комнате у старухи и перебирал варианты. Старуха давно спала — она вообще спала большую часть суток, что Рябова вполне устраивало. На столе лежала карта страны, купленная в книжном магазине, и список городов, где у него были контакты. Связные из числа новообращённых, которые разъехались по стране и теперь писали ему письма, полные восторгов и вопросов. Воронеж. Новосибирск. Хабаровск. Можно было уехать в любой из них и начать заново.

Мысль эта не пугала его — скорее, вызывала досаду. Здесь всё было налажено. Здесь у него была паства, был храм, был наработанный авторитет. Бросать это не хотелось. Но инстинкт, тот самый, что когда-то помог ему выжить в тайге, твердил: пора уходить. Сворачиваться. Менять город, имя, обличье.

Он уже почти решился, когда в дверь постучали.
— Открыто, — сказал он, не оборачиваясь.

Вошла Наталия.

Она была из тех, кого называют «правой рукой», хотя это определение не отражало и половины сути. Наталия пришла в «Путь» одной из первых — та самая женщина из библиотеки, что плакала на первом собрании. Ей было тридцать два, она была разведена, имела диплом филолога и ту особую, горькую складку у губ, какая бывает у женщин, переставших ждать от жизни подарков. В секте она нашла не только утешение — она нашла применение своим способностям. Через месяц она уже вела организационную работу. Через два — вошла в совет. Через три — стала тем, кого Рябов мог бы назвать другом, если бы ещё помнил значение этого слова.

Но главное было не в этом.

Главное было в том, что Рябов, сам того не ожидая, привязался к ней. Не как к адепту, не как к помощнице — как к женщине. Это чувство раздражало его, потому что не поддавалось контролю. Прибор мог внушить кому угодно что угодно, но не мог внушить самому себе, что ему не нужна эта женщина. А она была нужна.

Она села на край кровати — единственное место в комнате, кроме стула, которое Рябов занимал сам. Жест был фамильярным, но в их отношениях фамильярность давно стала нормой.

— Ты уезжаешь, — сказала она. Это был не вопрос.

— С чего ты взяла?

— У тебя глаза бегают. Ты третий день не был в храме. Ты

сжёг какие-то бумаги в печке. — Она помолчала. — И карта на столе. Ты никогда не доставал карту при мне.

Рябов усмехнулся. Против наблюдательности этой женщины не работал даже излучатель. Может быть, потому, что она была единственной, на кого он ни разу не направлял луч — сознательно. Он хотел, чтобы хоть кто-то был с ним рядом не по принуждению. Или хотя бы думал, что не по принуждению.

— Да, — сказал он. — Думаю перебраться. Здесь становится жарко. Проверки, вопросы. Кто-то навёл. Надо переждать.

— А «Путь»?

— Оставим на Виктора. Или на тебя. Справитесь.

Наталия встала и подошла к окну. За окном горел фонарь, и в его свете лицо её казалось бледным и очень серьёзным.

— Знаешь, что мне говорили люди? — спросила она, не оборачиваясь. — Говорили: «Он — пророк. Он — новый мессия. Он поведёт нас к свету». А я им верила. Не потому, что ты светишься или что-то такое. А потому, что ты знаешь, чего хочешь. Ты — единственный человек, которого я встретила, кто точно знает.

Она повернулась, и Рябов увидел, что глаза её полны слёз, но слёзы эти были злыми, упрямыми — не те, что просят жалости, а те, что требуют ответа.

— Если ты сейчас уедешь, — сказала она, — ты потеряешь всё. Они поймут, что ты испугался. Они простят тебе

грехи, но не простят страха. Ты перестанешь быть Учителем. Ты станешь просто беглецом. А беглецов не слушают. Беглецов ловят.

— Меня не поймают, — сказал Рябов, и в голосе его прозвучала та самая, ставшая уже привычной, сталь.

— Дело не в том, поймают или нет. Дело в том, что, если ты уедешь, ты признаешь, что всего этого не было. — Она обвела рукой комнату, словно охватывая город, «Путь», всё, что они построили. — Ты признаешь, что это был всего лишь трюк.

Рябов промолчал.

— Останься, — сказала она тихо. — Я не прошу за всех. Я прошу за себя. Останься. Что бы ты там ни задумал — мы справимся. Вдвоём.

Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри борются два человека: тот, что умел просчитывать риски и принимать холодные решения, — и тот, другой, почти забытый, который когда-то писал письма матери и гладил собаку. Тот, второй, хотел остаться. Не ради паствы, не ради «Пути» — ради этой женщины, стоящей у окна.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Остаюсь. Но если через неделю станет жарче — уедем вдвоём.

Наталия кивнула. Она не улыбнулась — она вообще редко улыбалась, — но что-то в её лице разгладилось, словно она только что прошла опасный участок и вышла на ровную дорогу.

Рябов же думал о другом. Задерживаясь здесь, он терял преимущество внезапности. Тот, кто послал проверяющих, не остановится. За ними придёт кто-то ещё. Кто-то, кто знает о приборе. Кто-то, кто умеет с ним бороться.

Он ошибался лишь в одном: этот кто-то уже пришёл.

В трёх кварталах от его дома, в гостинице для командировочных, капитан Кайсаров настраивал детектор и составлял план операции. До воскресенья оставалось четыре дня.

Кайсаров решил не ждать четверга. Осторожность осторожностью, но время работало против него: с каждым днём «Путь» прирастал новыми адептами, а зона покрытия расширялась. Если Рябов действительно собрал усилитель на основе разработок «Альфы», через месяц под его контролем мог оказаться весь город. Этого нельзя было допустить.

Он выбрал среду — день, когда собраний не было, и кино-театр пустовал. Под видом журналиста из областной газеты (у него было удостоверение — настоящее, такие делаются в их ведомстве за полчаса) он явился к администратору «Пути». Администратором оказался тот самый Виктор, бывший инженер, а ныне ревностный служитель.

— Я хотел бы взять интервью у Учителя, — сказал Кайсаров, предъявляя удостоверение. — Для рубрики «Духовные искания». Читатели интересуются.

Виктор оглядел его с ног до головы. Взгляд у него был

цепкий, но в глубине глаз мерцала та самая расслабленность, какую даёт только воздействие прибора, — человек, привыкший доверять, потому что доверие стало для него физиологической потребностью.

— Учитель не даёт интервью, — сказал Виктор. — Но вы можете прийти на собрание в воскресенье. Увидите всё сами.

— Я бы хотел заранее ознакомиться с обстановкой, — мягко настаивал Кайсаров. — Чтобы написать более точный репортаж. Может быть, вы покажете мне зал?

Виктор колебался. Кайсаров на всякий случай положил руку на детектор, висевший на поясе, — стрелка дёрнулась, но несильно. Фоновое излучение, не опасное. Прибор в зале был выключен.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Только недолго.

Они прошли в зрительный зал. Здесь всё было переделано под нужды секты: ряды кресел убраны кругом простые скамьи, сцена задрапирована белой тканью, на заднике — стилизованный символ «Пути»: расходящиеся круги, словно от камня, брошенного в воду. Красиво. Профессионально. Кто-то из адептов явно имел художественное образование.

Пока Виктор рассказывал об истории движения, Кайсаров медленно обходил зал, держа руку у пояса. Детектор фиксировал изменения поля, и к сцене стрелка отклонялась всё сильнее. Источник был там — скорее всего, под деревянным настилом.

— А это что? — спросил он, указав на люк в полу у края

сцены.

— Подсобка, — ответил Виктор чуть быстрее, чем следовало. — Там старое оборудование кинотеатра. Мы не пользуемся.

— Понятно, — Кайсаров кивнул и сделал пометку в блокноте.

Он вышел из кинотеатра через двадцать минут, имея на руках план зала, приблизительное расположение источника и уверенность в том, что Рябов — не шарлатан. Прибор был. Прибор работал. И судя по качеству исполнения, Рябов знал, что делает.

Теперь нужно было увидеть самого Учителя.

Он увидел его в тот же вечер — случайно или почти случайно. Проходя мимо дома с геранью на окнах, Кайсаров заметил, как из подъезда выходит молодой мужчина в простой куртке, в сопровождении женщины лет тридцати. Мужчина был невысок, худощав, ничем не примечателен — кроме глаз. Эти глаза Кайсаров узнал сразу. Он видел такие глаза у людей, прошедших спецподготовку: взгляд, который одновременно смотрит на тебя и сквозь тебя. Взгляд человека, который знает то, чего не знаешь ты.

Рябов.

Кайсаров перешёл на другую сторону улицы и пошёл следом — на достаточном расстоянии, чтобы не вызвать подозрений. Рябов и его спутница (видимо, та самая Наталия из досье) направились в сторону парка. Шли молча. Она держа-

ла его под руку — жест одновременно интимный и охранительный, словно она не то поддерживала его, не то прикрывала.

В парке они сели на скамейку. Кайсаров остановился у киоска с газировкой, делая вид, что читает газету. Он был достаточно близко, чтобы слышать обрывки разговора.

— ...проверки — это только начало, — говорил Рябов. Голос у него был негромкий, но чёткий, с той особенной дикцией, какая вырабатывается у людей, привыкших говорить перед аудиторией. — Они знают, что искать. И они не останавливаются.

— Мы можем уехать, — ответила Наталия. — Прямо сейчас. Собрать вещи — и на поезд.

— Поздно. Если они уже прислали проверяющих, значит, город под наблюдением. Меня могли засечь. — Он помолчал. — И ещё... я чувствую что-то. Что-то чужое.

Кайсаров внутренне напрягся. Рябов говорил о нём — он был почти уверен.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Наталия.

— Я не знаю. Как будто кто-то слушает. — Рябов оглянулся, и на секунду его взгляд скользнул по фигуре у киоска. Кайсаров вовремя уткнулся в газету. — Может, паранойя. А может, и нет.

— Тогда тем более надо уезжать, — сказала Наталия.

— Нет. Я обещал тебе остаться. Я останусь. Но воскресное собрание будет последним. После него — сворачиваем

ся.

Они встали и пошли обратно. Кайсаров дал им отойти на квартал и двинулся следом. Теперь он знал три вещи. Первое: Рябов планирует закрыть секту и исчезнуть. Второе: воскресное собрание — последняя возможность взять его с поличным. Третье: у Рябова есть интуиция — или нечто большее, — и он уже подозревает о слежке.

Времени на раскачку не оставалось. Кайсаров вернулся в гостиницу, поднял трубку и позвонил Лиханину.

— Объект подтверждён, — доложил он коротко. — Прибор класса «Альфа» в рабочем состоянии. Вожак — Рябов. Планирует сворачивать деятельность после воскресенья. Рекомендую операцию в воскресенье, во время собрания.

— Добро, — ответил Лиханин после паузы. — Группу захвата высылаю. Будут в субботу. Действуй по обстановке.

Кайсаров положил трубку и посмотрел в окно. Там, за серой пеленой дождя, горел фонарь у дома с геранью. Где-то за одним из этих окон сидел человек, возомнивший себя богом. И этот человек пока не знал, что охота на него началась не в воскресенье. Она началась в ту самую минуту, когда Кайсаров сошёл с поезда.

Но и Кайсаров не знал кое-чего. Он не знал, что Наталия, прощаясь с Рябовым в подъезде, сказала:

— Тот человек у киоска. Ты его видел?

— Видел, — ответил Рябов. — Не журналист. И не просто зевака.

— Откуда знаешь?

— По тому, как он стоял. Слишком правильно. Слишком профессионально. — Рябов усмехнулся. — Меня не так учили стоять в карауле, чтобы я не отличил военного от штатского.

Он поднялся в свою комнату, достал из тайника портативный излучатель, проверил заряд аккумуляторов и положил прибор на стол. Рядом лёг автомат Калашникова, привезённый ещё с заставы, — неучтённый, списанный по ведомости, которую подписал Шмелёв, находясь в очередном сеансе «просветления».

В воскресенье всё должно было решиться.

Глава третья

Человек, назвавшийся Артуром Блейком, появился в городе за два дня до воскресенья, но Рябов узнал о его существовании только в субботу вечером. Блейк не ходил на собрания, не искал контактов с адептами, не оставлял следов. Он действовал так, как действуют профессионалы его уровня: изучил объект, составил психологический профиль, выявил уязвимости и нанёс удар в нужное время и в нужном месте.

Уязвимостей у Рябова было две: Наталия и растущее чувство, что его загнали в угол. Блейк использовал обе.

Он пришёл в субботу, в девятом часу вечера, когда осенние сумерки уже сгустились в полноценную тьму, а редкие фонари на окраинной улице лишь подчёркивали её, а не разгоняли. Рябов только вернулся из храма, где провёл последние приготовления к воскресному собранию, и теперь сидел у себя в комнате, перебирая бумаги — те самые, что собирался сжечь.

Стук в дверь был коротким, уверенным. Не так стучали адепты. Не так стучала Наталия. Не так стучали проверяющие.

— Открыто, — сказал Рябов.

Вошедший был высок, сухощав, одет в неприметное серое пальто — такое, в каких ходят командировочные инженеры средней руки. Лицо у него было из тех, что забываются сразу после того, как человек выходит из комнаты. Но глаза — вот что Рябов заметил первым делом. Глаза у гостя были холодные, оценивающие, лишённые того характерного расслабленного блеска, какой бывает у людей, попавших под поле прибора. Этот человек не был адептом. И он не боялся.

— Добрый вечер, — сказал гость, присаживаясь на стул без приглашения. — Моё имя Артур Блейк. Я представляю интересы одной европейской организации, названия которой вам слышать не обязательно. У нас с вами есть общая проблема и общий интерес.

Рябов медленно опустил руку под стол, где в ящике лежал портативный излучатель.

— Не стоит, — сказал Блейк, заметив движение. — На меня ваш прибор не действует. Я прошёл курс подготовки. Теменная доля экранирована. — Он коснулся виска кончиком пальца. — Фармакология, знаете ли. Определённые препараты, определённые тренировки. Ваш луч для меня — просто лёгкое покалывание. Не более.

Рябов убрал руку. Он не знал, врёт гость или нет, но проверять не хотелось. Вместо этого он спросил:

— Что вам нужно?

— Вы. Точнее, ваш прибор. Ещё точнее — технология, на которой он основан. — Блейк говорил спокойно, почти лениво, но в голосе его чувствовалась та особая уверенность, какая бывает у людей, привыкших получать то, что они хотят. — Вы, господин Рябов, сидите на золотой жиле, но не можете ею воспользоваться. Завтра здесь будет группа захвата. Вы это знаете. Я это знаю. Ваша паства отправится в фильтрационные лагеря. Прибор изымут и спрячут в сейф до следующего тысячелетия. А вы — вы отправитесь туда, куда отправляются все, кто слишком много знает и слишком мало контролирует.

— Откуда вы знаете про группу захвата?

— У нас хорошая разведка. — Блейк позволил себе лёгкую улыбку, больше похожую на оскал. — Лучше, чем у вашего Управления секретного взаимодействия. Мы следили за разработками «Альфы» с самого начала. Мы знали о лаборатории в тайге. Мы знали, что документация не была уни-

чтожена полностью. Мы ждали, когда кто-нибудь — достаточно умный и достаточно безрассудный — найдёт её и запустит заново. Вы нашли. Вы запустили. Теперь мы хотим получить результат.

— В обмен на что?

Блейк достал из внутреннего кармана конверт. В конверте лежали документы: паспорт на имя Сергея Викторовича Никонова, тридцати двух лет, жителя Новосибирска. Авиабилет до Москвы на завтрашний рейс, вылет в 6:15 утра. Ещё один билет — Москва—Берлин, с пересадкой во Франкфурте. И фотография — небольшая, но уютная лаборатория где-то в Оксфордшире, с новейшим оборудованием и людьми в белых халатах, готовыми работать под началом нового руководителя.

— Мы предлагаем вам выход, — продолжал Блейк. — Вы передаёте нам центральный элемент вашего усилителя — тот самый резонатор, который вы собрали на основе схем «Альфы». Остальное можете оставить здесь, пусть ваши чекисты подавятся. С этим элементом и вашими знаниями мы сможем воспроизвести технологию в наших условиях. Вы получаете новую личность, новую лабораторию, неограниченное финансирование и — что важнее всего — свободу. В Англии нет Управления секретного взаимодействия. Там вообще много чего нет из того, что есть здесь.

Рябов смотрел на документы. Предложение было щедрым — настолько щедрым, что вызывало подозрения. Но в глав-

ном Блейк был прав: времени не оставалось. Если завтра штурм — он теряет всё.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

— Думайте быстро. Я буду ждать вас у чёрного входа в кинотеатр в полночь. Вы придёте с резонатором и со всем, что сочтёте нужным взять. Мы уедем сегодня же. К утру будем в Москве. — Блейк поднялся. — И ещё одно, господин Рябов. Ваша женщина. Наталия. Она не должна знать.

— Почему?

— Потому что она — ваше слабое место. Через неё вас найдут за полчаса. Её телефон уже прослушивается, квартира — под наблюдением. Если вы позвоните ей или попытаетесь забрать с собой — операция провалена. — Блейк направился к двери, но у порога обернулся. — Это бизнес, господин Рябов. Не более. Но бизнес, в котором на кону ваша жизнь.

Он вышел, оставив после себя запах дорогого одеколona и тревожную, звенящую тишину.

Рябов сидел неподвижно минуту, может, две. Потом встал, достал из тайника излучатель и положил на стол. Рядом — конверт с документами.

Он думал о Наталии. О том, как она стояла у окна и говорила: «Останься». О том, как держала его под руку в парке. О том, что она была единственным человеком, который верил в него, а не в поле прибора. И о том, что Блейк прав: брать её с собой нельзя.

Но оставить её здесь — значило обречь на допросы, фильтрацию, возможно, тюрьму.

Он снял трубку телефона и набрал её номер. Гудки шли долго — десять, пятнадцать секунд. Никто не ответил.

Рябов набрал снова. Снова гудки. Снова тишина.

Странно. Она всегда отвечала. Даже ночью.

Он положил трубку и подошёл к окну. Фонарь горел, как всегда, но что-то изменилось в мире за стеклом. Что-то неуловимое, как сдвиг частоты на генераторе.

В этот момент он и принял решение. Не из страха. Не из жадности. Из холодного, трезвого расчёта, который стал его второй натурой. Прибор можно собрать заново. Паству — набрать новую. Наталию... Наталию он найдёт потом, когда всё уляжется. Или не найдёт. Жизнь продолжалась.

Он начал собираться.

Кайсаров сидел в гостиничном номере и слушал.

Прослушка телефона Рябова была установлена два дня назад — без санкции суда, разумеется, но в их ведомстве на такие мелочи давно не обращали внимания. Линия шла через коммутатор на почтамте, и сигнал передавался на небольшой приёмник, подключённый к диктофону. Кайсаров прослушивал записи каждый вечер, но до сих пор ничего интересного не было: короткие разговоры с Виктором, ещё короче — с Наталией, какие-то бытовые поручения.

Сегодняшний вечер был другим.

Сначала — звонок на квартиру Наталии. Пять гудков.

Отбой. Снова звонок. Снова пять гудков. Отбой. Кайсаров знал, что Рябов звонил из дома — его линия определилась сразу. Но почему Наталия не отвечала? Она должна была быть дома — по крайней мере, час назад, когда Кайсаров проходил мимо её дома, в окнах горел свет.

Интуиция — та самая, из-за которой Лиханин считал его излишне дотошным, — забила тревогу.

Кайсаров оделся, проверил пистолет, взял портативный детектор и вышел в ночь. До дома Наталии было пятнадцать минут пешком. Он прошёл их за десять.

Подъезд был не заперт — обычное дело для провинциальных домов. Он поднялся на четвёртый этаж, нашёл нужную дверь и прислушался. Тишина. Ни шагов, ни голосов, ни звука работающего телевизора. Только где-то наверху капала вода из крана.

Он позвонил. Никто не открыл.

Тогда он достал отмычку — стандартный набор, входящий в снаряжение любого оперативника, — и аккуратно, почти бесшумно, открыл замок.

В прихожей горел свет. На вешалке висело её пальто. На полу стояли тапочки — те самые домашние тапочки с помпонами, которые носят женщины, живущие одни.

Наталия лежала в комнате, на полу у телефонного столика. Трубка свисала со шнура, покачиваясь из стороны в сторону, и из неё доносился размеренный гудок. Удар был нанесён сзади, профессионально и безжалостно — один точ-

ный удар в основание черепа. Она умерла мгновенно, даже не успев понять, что случилось. Лицо её, обращённое к потолку, было спокойным — таким, каким бывает лицо человека, который просто не ожидал удара.

Кайсаров замер в дверях. Он видел смерть много раз — на войне, на спецоперациях, в камерах для допросов, — но сейчас, глядя на эту женщину, которая ещё утром пила чай и смотрела в окно, он почувствовал то, что чувствовал редко: холодную, методичную ярость. Не к убийце — к тому, кто это заказал. К тому, кто использовал её как разменную монету в игре, смысла которой она даже не понимала.

Он заставил себя отвлечься от эмоций. Эмоции в его работе были роскошью, которую он не мог себе позволить.

Первым делом — звонок Лиханину.

— Первый, — доложил он, когда на том конце сняли трубку. — Объект «Спутник» мёртв. Убита примерно час назад. Профессионально. Почерк не местный.

Лиханин помолчал. Потом спросил:

— Рябов?

— Пытался дозвониться до неё дважды в последние полчаса. Судя по времени звонков, после убийства. — Кайсаров бросил взгляд на часы. — Либо он не знает, либо у него железные нервы. Я склоняюсь к первому.

— Кто тогда?

— Неизвестно. Но в городе появился кто-то третий. Кто-то, кто знает об операции. Кто-то, кто тоже охотится на Ря-

бова. Или на прибор.

Лиханин выругался — тихо, сквозь зубы, но весьма выразительно.

— Группа захвата выехала, — сказал он. — Будут в городе к пяти утра. Штурм кинотеатра — в восемь, перед началом собрания. Мэр уже подготовлен. Легенда — утечка химикатов из подвала кинотеатра. Квартал оцепят, гражданских эвакуируют.

— Поздно, — сказал Кайсаров. — Если третий игрок уже здесь, он не будет ждать утра. Рябов — его цель. Возможно, они уже в контакте.

— Твои действия?

— Выдвигаюсь к кинотеатру. Наблюдение до подхода группы. Если увижу Рябова — задержу самостоятельно.

— Рискованно.

— Рискованнее упустить.

Пауза.

— Добро, — сказал Лиханин. — Действуй. Но Кайсаров... постарайся взять живым. И третьего тоже. Мне нужны ответы.

Кайсаров положил трубку, бросил последний взгляд на Наталию и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Тело обнаружат утром — соседи, милиция, суета. К тому времени всё уже кончится. Или только начнётся.

Он шёл к кинотеатру дворами, держась в тени и поминутно проверяя детектор. Фон в городе был повышенный — ска-

зывалась близость прибора. Но пока — без всплесков. Рябов ещё не включил излучатель. Или включил, но направленно.

Кинотеатр «Октябрь» высился в конце улицы тёмной громадой, лишь у чёрного входа горела тусклая лампочка. Кайсаров занял позицию в арке соседнего дома — достаточно близко, чтобы видеть вход, достаточно далеко, чтобы не быть замеченным. Часы показывали без четверти двенадцать.

В полночь у чёрного входа появились двое.

Рябова Кайсаров узнал сразу — по фигуре, по походке, по тому, как он нёс объёмистый чемодан. Второй был незнаком: высокий, в сером пальто, двигался с кошачьей грацией профессионала. В руках у него тоже был чемодан — плоский, похожий на те, в каких перевозят аппаратуру.

Они вошли внутрь. Кайсаров отметил время — 00:03.

Теперь всё зависело от того, как быстро они выйдут и куда направятся. Если у них транспорт — придётся импровизировать. Если пойдут пешком — он успеет сообщить группе.

Время потекло медленно, как вода из неисправного крана. 00:15. 00:30. 00:45.

В 00:52 они вышли. Чемоданы были тяжелее, чем прежде, — видимо, Рябов забрал не только резонатор, но и кое-что ещё. Кайсаров напрягся. Фон полностью упал, прибор отключили.

Они свернули в проходной двор, потом — в переулок, потом — на параллельную улицу, где стояла машина. Тёмная «Волга» с выключенными фарами. Третий сообщник — во-

дитель — ждал за рулём.

Кайсаров понял, что времени звонить в штаб уже нет. Машина тронулась, и он принял решение, которое Лиханин назвал бы «самодеятельностью», а сам он — единственным возможным вариантом.

Он поймал такси — чудом, в такое время, — и бросил водителю:

— За той «Волгой». Не светись. Двойной тариф.

Водитель, пожилой мужик с лицом человека, многое повидавшего, хмыкнул и нажал на газ.

Группа зачистки прибыла в город в 05:10.

Два микроавтобуса без опознавательных знаков, двенадцать человек в штатском, но с выправкой, не оставляющей сомнений в роде занятий. Старший группы — майор с фамилией Горелов и лицом, начисто лишённым эмоций, — разместил людей в здании напротив кинотеатра, реквизированном под оперативный штаб.

Мэр города, разбуженный звонком из области в четыре утра, действовал по инструкции. К шести утра квартал был оцеплен. Жильцам окрестных домов объявили по громкой связи: «Внимание! В подвале кинотеатра "Октябрь" обнаружена утечка химических веществ. Возможно токсическое заражение. Просьба сохранять спокойствие, покинуть квартиры и проследовать к автобусам для временной эвакуации. Повторяю...»

Гражданские выходили из подъездов — заспанные, пере-

пуганные, кутающиеся в одеяла и пальто. Дети плакали. Старухи крестились. Милиция оцепляла периметр, стараясь не отвечать на вопросы, которых и так было слишком много.

К восьми утра квартал опустел. Остались только опергруппа, оцепление и пустой кинотеатр.

Горелов, получив доклады от разведчиков, нахмурился. Что-то шло не так. По плану, к этому времени у кинотеатра уже должны были собираться adeпты «Пути» — воскресное собрание было анонсировано заранее. Но площадь перед входом оставалась пустой.

— Может, слухи об эвакуации дошли? — предположил заместитель.

— Или их предупредили, — ответил Горелов. — Связь с Кайсаровым есть?

— Нет. Последний доклад — в ноль-сорок пять. С тех пор молчит.

Горелов выругался — примерно теми же словами, что и Лиханин часом ранее. Впрочем, приказ оставался приказом. В 08:15 он отдал команду на штурм.

Спецназовцы в специальных шлемах — тех самых, с экранированием теменной зоны, разработанных ещё для операций по нейтрализации лабораторий «Альфа», — вошли в здание через главный вход, через чёрный ход и через крышу. Действовали быстро, слаженно, как на учениях.

Зал был пуст.

Скамьи стояли ровными рядами. Сцена была задрапиро-

вана белой тканью. Символ «Пути» — расходящиеся круги — висел на своём месте. Но ни людей, ни прибора, ни Учителя.

В подсобке под сценой Горелов нашёл следы поспешных сборов: обрывки проводов, пустые крепления, несколько списанных аккумуляторов, которые Рябов не счёл нужным забирать. Главный элемент — резонатор — исчез.

— Ушёл, — констатировал Горелов в докладе Лиханину. — Предположительно, минувшей ночью. Вместе с неизвестным сообщником. Кайсаров, по всей видимости, ведёт преследование. Его местонахождение неизвестно.

Лиханин выслушал доклад молча. Потом отдал приказ, который ему самому не нравился:

— Объявить Кайсарова в розыск как свидетеля. Рябова — как особо опасного. Ориентировку разослать по всем аэропортам, вокзалам, постам ГАИ. Фотографию — из личного дела. И свяжитесь с Москвой. Если они летят — перехватывать на подлёте.

Он положил трубку и долго смотрел на карту, висевшую на стене. Где-то на ней, между областным центром и Москвой, двигалась тёмная «Волга», а в ней сидел человек, который думал, что переиграл всех. А следом за ним ехал другой человек, который думал, что ещё может всё исправить.

Ошибались оба.

Самолёт на Москву вылетал через два часа.

Москва встретила их предрассветной мглой и мокрым снегом, который падал не столько с неба, сколько из воздуха — липкий, тяжёлый, превращающий улицы в месиво. Рябов смотрел на столицу через запотевшее стекло такси и не чувствовал ничего — ни страха, ни торжества. Только пустоту, какая бывает после долгого бега, когда дыхание ещё не восстановилось, а финиш уже не радует.

Блейк сидел рядом, прямой и невозмутимый, как манекен. За всю дорогу от аэропорта он не проронил ни слова — только раз, когда проезжали мимо какого-то облупленного здания с колоннами, заметил: «Здесь раньше был ресторан, где обедал Берия. Говорят, неплохо готовили лобио». Рябов не ответил. Ему было всё равно, где обедал Берия.

Гостиница называлась «Восток» и располагалась на окраине, в районе, который даже в светлое время суток выглядел так, словно его забыли достроить лет двадцать назад. Блейк выбрал её именно за это — никаких звёзд, никакой охраны, никаких вопросов. Администраторша, пожилая женщина, взяла деньги без квитанции и выдала ключ от номера на втором этаже.

— Отдыхайте, — сказал Блейк, внося в номер свой чемодан. — Завтра утром получим транзитные визы, вечером — вылет. В Берлине нас встретят. У меня там человек в посольстве, всё схвачено. А пока — не высовывайтесь. Москва не ваш областной центр. Здесь такие, как вы, исчезают быстрее,

чем снег на ладони.

Он ушёл, оставив Рябова одного в номере с выцветшими обоями, скрипучей кроватью и видом на промзону. Рябов сел на кровать и закрыл глаза.

Он думал о Наталии. Что-то случилось. Что-то непоправимое. Он чувствовал это тем древним, почти атрофировавшимся чувством, которое называется совестью. Совесть — штука непрактичная, думал он. Она не даёт ничего, кроме боли. Но боль была — тупая, ноющая, где-то под сердцем.

Он достал портативный излучатель. Тот самый, с которым прошёл от тайги до областного центра, от первого адепта до трёхсот. Повертел в руках. Прибор был тёплым — аккумуляторы ещё держали заряд. Рябов положил его на тумбочку и уставился в потолок.

Завтра он покинет страну. Завтра он перестанет быть Рябовым. Завтра начнётся новая жизнь — без Наталии, без «Пути», без всего, что он построил. И эта мысль не радовала.

Но он ещё не знал, что «завтра» не наступит.

Кайсаров прибыл в Москву на два часа позже.

Он потерял «Волгу» ещё в областном центре — водитель Блейка знал своё дело, — но вычислить цель было несложно. Рябов и Блейк летели в Москву. Прямой рейс, утренний, из местного аэропорта. Кайсаров связался с Лиханиным с дороги и получил подтверждение: его люди отследили пассажиров с поддельными документами. Никонов Сергей Викторович — так теперь звали Рябова. Блейк летел под своим име-

нем — то ли не боялся, то ли документы были настоящими, то ли и то и другое вместе.

В Москве Кайсаров первым делом нашёл автоматический телефон-автомат на Ленинградском вокзале, огляделся — шпионская привычка, от которой не избавиться, — и набрал номер Лиханина. Трубку сняли после первого гудка.

— Первый, это я. Объекты в Москве. Остановились в гостинице «Восток», на Щёлковской. Второй — предположительно иностранец, имя Артур Блейк, въехал по британскому паспорту. Цель — покинуть страну. Предположительно завтрашним рейсом на Берлин. Мне нужно подкрепление. И заблокируйте вылеты. Все рейсы на Запад. Под любым предлогом.

Лиханин выслушал молча, как обычно. Потом ответил — и в его голосе Кайсаров уловил ту особую интонацию, которая означала, что дело переходит на уровень, где решения принимаются не ими.

— Подкрепление будет через два часа. Вылеты уже блокируются — неофициально. Все аэропорты предупреждены: технический сбой, задержка рейсов европейского направления. Но времени у тебя мало. Блейк — не простой курьер. Судя по ориентировке из центра, он проходит по картотеке МИ-6 как офицер технической разведки. Специализация — перехват закрытых разработок. Работает под дипломатическим прикрытием. Если он вывезет Рябова или прибор — мы потеряем всё.

— Я понял. Я пока... — Кайсаров замолчал. В трубке слышался какой-то шум на линии, а затем — короткие гудки. Он чертыхнулся, повесил трубку и направился к гостинице «Восток».

Он знал, что идти в номер в одиночку — риск. Но ждать подкрепления значило дать Блейку время. А Блейк, судя по всему, временем распорядиться умел.

Гостиница встретила его запахом щей и тишиной. Администраторша, не поднимая головы от вязания, подтвердила: да, гражданин Никонов проживает в сорок втором номере, да, он у себя, да, с ним был иностранец, но иностранец уехал час назад, сказал, вернётся вечером.

Кайсаров кивнул и поднялся на четвёртый этаж. Пистолет он держал под курткой, сняв с предохранителя. Детектор на поясе тихо попискивал — в здании был повышенный фон. Прибор работал. Или работал недавно.

Дверь в сорок второй была заперта. Кайсаров постучал.

— Кто? — голос Рябова звучал глухо, словно из-под подушки.

— Телеграмма. Срочная.

Пауза. Потом шаги. Дверь открылась — и Кайсаров шагнул внутрь, выставив пистолет.

— Не двигаться. Руки на стену.

Рябов стоял посреди комнаты, в помятой рубашке, босой, и смотрел на него — нет, не на него, а на его детектор, который пищал всё громче. Потом он перевёл взгляд на пистолет,

и Кайсаров увидел в его глазах не страх, а расчёт. Холодный, быстрый расчёт человека, который уже понял, что делать.

— Вы из управления, — сказал Рябов, не двигаясь. — Я знал, что вы придёте. Только не знал, когда. Садитесь. Поговорим.

— Я не разговаривать пришёл. Вы арестованы.

— За что? — Рябов улыбнулся, и улыбка эта была почти искренней. — За то, что дал людям веру? За то, что изобрёл способ облегчить их страдания? За то, что показал им свет?

— За убийство Наталии Орловой, — отрезал Кайсаров.

Улыбка сползла с лица Рябова. Он побледнел — не так, как бледнеют испуганные, а как бледнеют люди, которым только что сообщили то, о чём они догадывались, но боялись поверить.

— Наталия... мертва?

— Убита вчера вечером. Рябов опустился на кровать. Лицо его застыло, превратившись в маску — ту самую, которую Кайсаров видел у людей, только что потерявших всё.

— Я не знал, — прошептал он. — Я звонил... она не отвечала... но я не думал...

Вот поэтому вы и пойдёте со мной», — сказал Кайсаров. Расскажите всё — про Блейка, про прибор, про лабораторию. И тогда, возможно, вместо вышки получите пожизненное. В закрытом учреждении, но всё же.

Рябов поднял голову, и в его глазах Кайсаров увидел нечто, заставившее его пожалеть о сказанном. Это был не

страх и не ярость. Это была решимость.

— Нет, — сказал Рябов. — Я не пойду.

— У вас нет выбора.

— Вы ошибаетесь.

Рука Рябова метнулась к тумбочке, где лежал портативный излучатель. Кайсаров выстрелил — но поздно. Пуля ушла в стену над плечом Рябова, а сам он уже направил прибор на агента и нажал кнопку.

Кайсаров почувствовал это сразу.

Давление, боль в висках и ещё какое-то иное, словно в голове включился чужой голос, и голос этот звучал отовсюду, проникая сквозь кости, заполняя каждую клетку. *Ты устал. Ты хочешь спать. Опусть пистолет. Сядь. Расскажи мне правду.*

Но у Кайсарова была защита. Та самая фармакологическая подготовка, о которой говорил Блейк, — только в русском варианте. Препараты, блокирующие тета-ритм. Тренировки по противостоянию гипнозу. Годы практики. Он держался.

— Не... работает... — выдавил он сквозь зубы, поднимая пистолет.

— Работает, — ответил Рябов. — Просто ты ещё не понял.

И он усилил мощность.

Портативный излучатель был слабее стационарного, но в замкнутом пространстве гостиничного номера его хватало с

избытком. Поле сгущалось, как воздух перед грозой. Кайсаров почувствовал, как его сознание начинает расслаиваться: одна часть ещё помнила инструкцию, устав, приказ, а другая — та, что отвечала за интуицию, за страх, за веру, — уже тянулась к свету, который лился из прибора, из Рябова, из самой Вселенной.

Скажи правду. Кто ты? Зачем пришёл? Кто тебя послал?

— Управление... — прохрипел Кайсаров, и слова выходили из него с трудом, как вода из засорённого крана. — Полковник... Лиханин... Мы ищем...

Он не договорил. Его лицо исказилось — не от боли, а от напряжения, какого не испытывают даже в бою. Сознание отчаянно боролось с внушением, и эта борьба была неравной. Мозг, атакованный частотами, на которые он не был рассчитан, начал сдавать. Сначала мелкие сосуды в теменной доле, потом — более крупные. Капилляры лопались один за другим.

Кайсаров рухнул на пол.

Пистолет отлетел в угол. Из рта агента пошла пена. Зрачки закатились. Дыхание стало частым, поверхностным, с присвистом.

Рябов отключил прибор и замер.

Он видел смерть. На заставе, в тайге, он добивал подранков — зверей, попавших в капканы. Но человек — это было другое. Кайсаров лежал на затоптанном ковре гостинич-

ного номера, и из его горла вырывался хрип, какой издаёт сломанный механизм.

Инсульт. Обширный, судя по симптомам. Если не вызвать скорую — умрёт. Если вызвать — приедет ещё и милиция.

Рябов стоял над агентом, и в голове его билась одна-единственная мысль: всё. Теперь точно всё. Убийство сотрудника госбезопасности — это не секта, не мошенничество, не незаконное использование техники. Это вышка. Или пожизненное в камере, где не поможет никакой прибор.

Он оглядел номер. Чемодан с резонатором. Портативный излучатель. Документы на имя Никонова. Тело на полу. Времени — полчаса, максимум час, пока Блейк не вернётся. А Блейк, когда вернётся, не станет разбираться. Блейк уберёт и Кайсарова, и его самого — как свидетелей, как отработанный материал.

Нужно было бежать. Но куда?

Он вспомнил о школьном друге.

Они не виделись лет пять. Витька Снегирёв — одноклассник, сосед по парте, человек, с которым они когда-то курили за гаражами и мечтали о дальних странах. После школы их пути разошлись. Рябов пошёл в армию, Витька уехал куда-то на юг, в Крым, работал то ли экскурсоводом, то ли таксистом, то ли занимался каким-то мелким бизнесом — последнее письмо от него пришло года три назад, ещё на заставу. Адрес был — Алупка, улица Зелёная, дом двенадцать и телефон.

Рябов нашёл в кармане куртки потрёпанную записную книжку, пролистал до буквы «С». Вот он. Снегирёв Виктор. Телефон был — не домашний, рабочий, какая-то контора по прокату автомобилей.

Он поднял трубку гостиничного телефона и набрал номер. Гудки шли долго — Москва–Крым, связь отвратительная. Наконец на том конце щёлкнуло, и хрипловатый голос произнёс:

— Алло? Кто это? Вы чего в такую рань?

— Витька. Это я. Рябов.

Пауза. Потом — удивлённый возглас:

— Рябый! Ты откуда? Ты ж вроде в армии был, на северах?

— Был. Теперь нет. Слушай, Вить. Мне нужна помощь. Очень. Я в Москве. Мне нужно срочно уехать. В Крым. К тебе. Ты можешь встретить?

Снегирёв, видимо, почувствовал что-то в голосе старого друга — то, что не требовало объяснений. Или, может, просто обрадовался звонку. Как бы то ни было, он ответил сразу:

— Приезжай. Алупка, Зелёная, двенадцать. Дом с синими ставнями. Не ошибёшься. Когда ждать?

— Не знаю. Дорога займёт дня два. Может, меньше. Я позвоню, когда буду на месте.

— Давай. Жду. — И после короткой паузы: — Рябый, у тебя всё в порядке?

— Нет, — сказал Рябов, и в этом слове было больше прав-

ды, чем во всех его проповедях. — Совсем не в порядке.

Он положил трубку и посмотрел на Кайсарова. Агент ещё дышал — часто, прерывисто, с булькающим звуком.

Рябов принял решение.

Он поднял портативный излучатель. Посмотрел на него — на своего единственного союзника, своё оружие, свой билет в божественность. Потом размахнулся и ударил прибором об угол стола. Корпус треснул. Ещё удар — и посыпались платы. Ещё — и генератор, загудев в последний раз, затих навсегда. Осколки пластика и металла усеяли пол. Всё. Прибора больше нет. А стационарный резонатор в чемодане — без усилителя и без портативного блока он бесполезен.

Оделся за минуту. Деньги — те, что остались, — во внутренний карман. Документы Никонова — туда же. Автомат он с собой не брал — бросил ещё в городе. Теперь только лёгкая сумка с вещами и чемодан, в котором лежал мёртвый резонатор.

У двери он задержался и бросил последний взгляд на Кайсарова. Тот уже не хрипел — дышал ровнее. Может, оклемаётся. Может, нет. Рябов не знал и знать не хотел. Он не был убийцей — по крайней мере, не хотел им быть. Но выбор уже сделан.

Он вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Гостиница «Восток» молчала. Где-то на первом этаже бормотал телевизор. В лифте пахло хлоркой.

Рябов вышел на улицу, вдохнул колючий московский воз-

дух и зашагал прочь от гостиницы. Ему нужно было на вокзал. Поезда на юг ходили по расписанию — он узнавал. Москва—Симферополь. Двое суток в пути. А там — Алупка, синие ставни, Витька Снегирёв и новая жизнь. Без прибора. Без секты. Без божественности.

Просто жизнь.

Кайсарова нашли через сорок минут.

Горничная, пришедшая убирать номер, увидела тело, закричала и побежала за администраторшей. Администраторша, сохранив остатки присутствия духа, вызвала скорую и милицию. Скорая приехала первой — повезло. Врач констатировал инсульт, сделал укол, начал реанимацию. Через двадцать минут Кайсаров пришёл в себя.

Первое, что он произнёс, было:

— Рябов... ушёл... Где?

Ему не ответили — некому было. Но он уже цеплялся за сознание, как цепляются за край обрыва. Его доставили в ближайшую больницу в ведомственную, куда его перевели по звонку Лиханина. Через три часа Кайсаров уже сидел на койке — с перекошенным лицом, с парализованной левой рукой, но в сознании и с ясной головой.

— Вокзал, — сказал он Лиханину, который приехал лично. — Он говорил по телефону. Про Крым. Про Алупку. Школьный друг. Снегирёв. Он поедет поездом. Самолётом побоится.

Лиханин кивнул и вышел из палаты. В коридоре его ждал

адъютант.

— Поезда на юг. Все. Проверить пассажиров. Документы на имя Никонова Сергея Викторовича. Особые приметы: рост средний, глаза светлые, на левой руке шрам от ожога — из личного дела. Взять живым. Прибор, если есть, изъять.

Адъютант записал и исчез.

Лиханин вернулся в палату. Кайсаров лежал, закрыв глаза.

— Ты как?

— Жить буду.

— Заслужил отпуск.

— Не надо мне отпуска. — Кайсаров открыл глаза. — Найдите его. Он не просто уголовник. Он знает. Он понимает, что делает. И он остановился. В последний момент — остановился. Уничтожил прибор. Не добил меня. Это что-то значит.

— Что?

— Не знаю. Может, он ещё не всё потерял. Может, ещё есть шанс.

Лиханин ничего не ответил. Он не верил в шансы. Он верил в приказы.

Через шесть часов Рябова взяли на Курском вокзале.

Он сидел в зале ожидания, сжимая в руке билет до Симферополя, когда к нему подошли двое в штатском. Он не бежал, не сопротивлялся. Просто поднял голову, посмотрел на них и сказал:

— Я ждал вас.

Его доставили в Управление. В тот самый кабинет без вывески, который он никогда не видел и о существовании которого догадывался.

Полковник Лиханин сидел за столом, и перед ним лежала папка — та самая, с грифом «Особой важности». Дело № 17-А. Лаборатория «Альфа-4». Теперь в нём появился новый фигурант.

— Садитесь, Рябов, — сказал Лиханин. — Или вам больше нравится «Учитель»?

— Мне больше нравится «Виктор Александрович», — ответил Рябов и сел.

Рябов посмотрел на стену, ему показалось что он снова в лесу стоит на дереве и смотрит в след раненному медведю, тот повернул голову посмотрел на него и ушёл в гущу леса.

ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Серия вторая, являющаяся прямым продолжением рассказа «Влияние медведя»

Глава первая. В которой полковник Лиханин делает предложение, от которого невозможно отказаться, а герой понимает, что тайга ещё не закончилась

Допросы шли две недели.

Рябова не били — не потому, что жалели, а потому, что

битьё в Управлении секретного взаимодействия считалось методом устаревшим, годным лишь для уголовного розыска. Здесь работали иначе. Здесь работали с сознанием — и в этом была особая ирония, которую Рябов оценил не сразу.

Его допрашивали в одной и той же комнате, без окон, с серыми стенами и лампой под потолком, которая никогда не гасла. Стул был металлический, привинченный к полу, — такая предосторожность означала, что в этой комнате сидели люди и опаснее Рябова.

Стол, два стула напротив, зеркало на стене, за которым угадывался наблюдательный пункт. И каждый день — Лиханин. Иногда один, иногда с помощником — молчаливым капитаном, который ничего не записывал, но, кажется, запоминал каждое слово.

Лиханин говорил мало. Он задавал вопросы, выслушивал ответы и снова задавал — одни и те же, по кругу, с небольшими вариациями, словно проверял, не сойдёт ли подследственный в показаниях. Рябов не сбивался. Ему нечего было скрывать — во-первых. Он устал — во-вторых. Устал так, как устают не от бессонницы, а от потери всего, что держало на плаву. Но система допроса, которая должна была изнурить его и заставить слушать самого себя, была уникальна и ломала любого, даже если он и не виноват ни в чём.

Он рассказал про медведя. Про пещеру. Про книгу в добротном переплёте. Про кресло, шлем, лабораторию. Про старшину Ковригина, капитана Шмелёва, Гаврилюка. Про

то, как собирал усилитель, как испытывал на сослуживцах, а потом на пастве, как верил — или почти верил, — что становится кем-то большим, чем человек. Про Блейка. Про Наталию. Про Кайсарова, которого он не хотел убивать, но едва не убил.

Когда он закончил, Лиханин долго молчал, перелистывая страницы в папке. Потом закрыл её и сказал:

— Вы, Рябов, не дурак. Вы — самоучка с феноменальной интуицией и способностью к обучению. Вы за полгода освоили технологию, над которой работали шесть докторов наук. Вы построили действующий прибор из списанных аккумуляторов, просроченных микросхем и собственных догадок. Вы создали секту с нуля, и она росла быстрее, чем любое известное нам религиозное движение. Это не похвала. Это констатация факта.

— Я не просил похвалы, — ответил Рябов.

— И правильно. Потому что всё это — лишь одна сторона медали. Другая состоит в том, что вы — дезертир, мошенник, создатель деструктивного культа, косвенный виновник гибели гражданского лица и прямой виновник инсульта у офицера, исполнявшего служебные обязанности. По совокупности статей вам грозит от пятнадцати лет до высшей меры. И поверьте, суд будет закрытым и быстрым.

Рябов молчал. Он знал всё это. Он просчитал свой приговор ещё в поезде, когда ехал в Москву под конвоем, глядя на проплывающие за окном перелески и думая о том, что боль-

ше никогда не увидит тайгу.

— Но, — сказал Лиханин, и это «но» повисло в воздухе, как дым от папиросы, — есть альтернатива.

Он встал, подошёл к стене и нажал кнопку. Вспыхнул экран, это было похоже на нечто вроде проектора, встроенного в стену. На экране появились схемы. Те самые, которые Рябов видел в книге «Как узреть Бога», только более детальные, с пометками, с диаграммами, с расчётами, которых в его экземпляре не было.

— Лаборатория «Альфа-4», — произнёс Лиханин. — Создана в 1983 году. Руководитель — профессор Бессонов, нейрофизиолог с мировым именем, до того, как его имя засекретили.

В штате — шесть человек. Все — ведущие специалисты в области биоэлектромагнетизма. Их задача была создание прибора нелетального воздействия на сознание противника.

В 1986 году во время эксперимента произошло нечто, что они сами не смогли предсказать.

— Они исчезли, — сказал Рябов.

— Не просто исчезли. Они перешли. — Лиханин выделил это слово интонацией. — Мы долго считали, что это фигура речи, что тела просто не нашли, что лабораторию завалило, что сработала система самоуничтожения. Но потом мы изучили их последние записи. Они успели зафиксировать феномен, который сами называли «дисперсией сознания в поле неизведанных энергий». Простыми словами: их сознания от-

делились от тел и переместились в иную среду. В иное измерение, если хотите.

Рябов слушал, и в его голове что-то щёлкало — как тумблер на приборе, входящий в паз. Он вспомнил шлем. Вспомнил Голос. Вспомнил ощущение полёта сквозь звёзды и твёрдую уверенность, что он там не один. Что кто-то ждёт. Кто-то смотрит.

— Вы знали об этом с самого начала, — сказал он. — Знали про пещеру. Знали про прибор. Почему не пришли раньше? Почему не доложили как следует по уставу?!

— Потому что мы не знали, где пещера. — Лиханин впервые позволил себе что-то похожее на усмешку. — Лабораторию строили в условиях такой секретности, что её расположение было известно трём людям, и все трое погибли — не в лаборатории, а позже, по разным причинам. Документация, которую вы нашли, была запасным комплектом, оставленным на случай эвакуации. Эвакуации не случилось. А координаты — координаты исчезли вместе с теми, кто их знал. Мы искали семь лет. Вы нашли за полгода. Случайно. Точнее, благодаря медведю, но это одно и то же.

— Медведь был ранен, — машинально поправил Рябов. — Я шёл по следу.

— Неважно. Важно другое. — Лиханин вернулся к столу и сел. — Теперь у нас есть лаборатория. Есть документация. Есть вы — единственный человек, который не только работал с прибором, но и адаптировался к его воздействию. Ваш

мозг, Рябов, больше не является мозгом обычного человека. Вы прошли через десятки сеансов, вы подвергались облучению, которое убило бы любого другого, но у вас выработалась толерантность. Вы — ключ.

— Ключ к чему?

— К переходу. Мы хотим, чтобы вы отправились туда же, куда ушли они. Нашли их. Установили контакт. И — вернулись. Если это возможно.

Рябов молчал долго. Так долго, что Лиханин уже собирался повторить вопрос.

— А если я не вернусь? — спросил он наконец.

— Тогда мы получим ответ на вопрос, который пока остаётся открытым: является ли переход односторонним. Это тоже ценно.

— То есть я — расходный материал.

— Вы — осуждённый, которому предлагают заменить приговор на участие в научном эксперименте. Да, расходный. Но, в отличие от камеры, здесь у вас есть шанс. Маленький, но есть.

Рябов посмотрел на свои руки. Они всё ещё были руками — теми самыми, что ставили силки, собирали усилитель, держали излучатель. Они не дрожали. Это удивило его.

— Что будет, если я откажусь?

— Пятнадцать лет. Минимум. С конфискацией.

— А если соглашусь?

— Отправитесь в лабораторию. Теперь уже легально. По-

лучите доступ к полной документации, к оборудованию, которое не снилось вам даже в пещере. Пройдёте подготовку. А потом — сеанс перехода. Под наблюдением. С возможностью прервать процесс, если что-то пойдёт не так.

— Если что-то пойдёт не так, — повторил Рябов, — вы уже ничего не сможете прервать. Вы это понимаете?

— Понимаем.

Снова тишина. На этот раз её прервал Рябов.

— Я согласен. Но у меня два условия.

Лиханин поднял бровь — такого он не ожидал.

— Первое: Кайсаров. Ему нужна операция, реабилитация. Всё за счёт Управления. Я знаю, что у вас есть возможности. Он пострадал из-за меня. Я хочу, чтобы ему помогли.

— Это не в моей власти, но я похлопочу, — сказал Лиханин. — Второе?

— Мать. Она в городе N. Она ничего не знает. Для неё я пропал без вести. Если я не вернусь — сделайте так, чтобы она получила официальное уведомление. Что сын погиб при исполнении. Что он служил достойно. Никакой правды. Только похоронка с гербом и орденом и положенную компенсацию.

Лиханин помолчал. Потом кивнул.

— Это я могу обещать.

— Тогда — да. Я согласен.

Он подписал документы в тот же вечер. Их было много — десятки страниц с грифами «совершенно секретно»,

«особой важности», «экземпляр единственный». Подписал не читая — какая разница, что там написано, если выбор всё равно сделан. Когда он отложил ручку, Лиханин сказал:

— Завтра вас переведут в специальный корпус. Начнёте подготовку. И ещё, Рябов... — он задержался у двери. — Там, в лаборатории, вы будете не один. С вами будет работать группа. Учёные. Врачи. Инженеры. Они знают, кто вы и что вы сделали. Они не будут вас любить. Но они будут с вами работать. Постарайтесь не разочаровать.

Рябов усмехнулся — впервые за долгое время.

— Я постараюсь.

Дверь закрылась. Он остался один в серой комнате, под не гаснущей лампой, и в голове его впервые за много недель звучала не пустота, а что-то, похожее на план. Или на надежду. Или на и то и другое сразу.

Где-то далеко, за стенами Управления, за кольцевой дорогой, за лесами и полями, шумела тайга. А в тайге, под землёй, ждала пещера. И в пещере — те, кто ушёл семь лет назад и не вернулся.

Теперь он должен был их найти.

Конец первой главы.

ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Серия вторая

Глава вторая. В которой герой проходит сквозь игольное ушко медицинских проверок, знакомится с теми, кто станет его последними спутниками в этом мире, и узнаёт, что ад имеет форму анкеты

Специальный корпус, куда перевели Рябова, располагался не в Москве — Москва была лишь перевалочным пунктом. Настоящая база находилась за кольцевой дорогой, в районе, который на картах обозначался как «лесной массив», а в реальности представлял собой три ряда колючей проволоки, два контрольно-пропускных пункта и подземный объект, уходящий вглубь на четыре этажа. Сверху — ничего: ельник, покосившаяся сторожка, пара грибников, которые на самом деле были наружным наблюдением. Снизу — коридоры, лифты, герметичные двери и воздух, пахнущий озоном и формалином.

Рябов провёл здесь первые три недели, и эти три недели он запомнил хуже, чем полгода в тайге. Тайга была живой. Здесь всё было стерильным.

Медицинские проверки начались в первый же день и шли потоком, напоминавшим конвейер. Сначала — стандартное: кровь из вены, моча в баночку, давление, пульс, ЭКГ, флюорография. Рябов проходил через эти процедуры молча, как автомат, — армейская привычка. Потом началось то, чего он никогда прежде не видел.

Энцефалограф новой конструкции с нащёлками-датчиками, которые снимали активность мозга в шестнадцать диапазонов одновременно. Томограф, в который его задвигали целиком, как хлеб в печь, и держали там сорок минут, пока машина гудела и щёлкала, выстраивая трёхмерную карту его головы. Реоэнцефалография, магнитоэнцефалография, доплерография сосудов мозга — названия сыпались, как команды на плацу, и Рябов перестал их запоминать уже на второй день.

Им занимались трое врачей — двое мужчин и женщина. Мужчины были молчаливы и деловиты, женщина была суха, как аптечная настойка, но иногда, глядя на распечатки его энцефалограмм, она качала головой и бормотала: «Надо же... надо же...» Рябов не спрашивал, что это значит. Он уже понял: его мозг был не таким, как у других. Слишком много сеансов. Слишком много часов в шлеме. Слишком много «общения с Богом», которое на деле было общением с самим собой — но с тем «собой», которого теперь изучали как аномалию.

На пятый день его положили в барокамеру. На шестой — проверяли вестибулярный аппарат: крутили в кресле, которое вращалось в трёх плоскостях одновременно, и требовали считать от ста до нуля. На седьмой — кололи какие-то препараты и смотрели на реакцию зрачков. На восьмой — дали отдохнуть.

Отдых состоял в том, что ему разрешили прочесть полную

документацию по проекту «Альфа». Не ту, урезанную, что была в пещере, — настоящую, с грифом «Особой важности», в десяти томах. Рябов читал запоем, как когда-то в тайге, — и чем больше читал, тем яснее понимал, насколько мало он знал.

Теория «пси-частоты», разработанная профессором Бесоновым. Гипотеза о существовании параллельных слоёв реальности, доступных только через изменённое состояние сознания. Расчёты, показывавшие, что человеческое тело — не единственный возможный носитель для личности, что информация, составляющая «я», может быть передана в иную среду, как радиосигнал — в эфир. Всё это было изложено сухим научным языком, но Рябов, прошедший через личный опыт, читал это как автобиографию. Он понимал каждое слово.

На десятый день его впервые вывели из медицинского блока в жилой. И там он увидел тех, с кем ему предстояло работать.

Их было четверо. Четверо научных сотрудников, прикомандированных к проекту «Иное измерение» — так теперь называлась операция, которую курировал Лиханин. Все они знали, кто такой Рябов. Все они читали его дело. И все они, как и предупреждал Лиханин, не были в восторге от знакомства.

Первая встреча прошла в комнате отдыха — небольшом помещении с диваном, столом и чайником, который никогда

не выключался. Рябов вошёл и увидел их: они сидели за столом и, судя по напряжённым позам, только что говорили о нём.

— Добрый вечер, — сказал Рябов.

Ему ответили не сразу.

Первым поднялся мужчина лет пятидесяти, грузный, лысоватый, с лицом, на котором читалась привычка командовать, но не военная — скорее академическая.

— Профессор Залесский, — представился он, не подавая руки. — Андрей Дмитриевич. Нейрофизиолог. Руководитель группы. Я работал с Бессоновым. Ещё до того, как он исчез. — Он помолчал. — Вы, значит, тот самый Рябов.

— Тот самый.

Залесский оглядел его с ног до головы, словно оценивая лабораторный образец, и кивнул каким-то своим мыслям.

Второй был моложе — лет тридцати пяти, подтянутый, с военной выправкой и цепким взглядом. Он представился коротко:

— Капитан Горелов. Инженер-электронщик. Отвечаю за оборудование.

Рябов вспомнил фамилию — тот самый майор Горелов, что командовал штурмом кинотеатра, приходился этому капитану старшим братом. Ни Горелов-младший, ни Рябов эту тему поднимать не стали, но взгляд у инженера был соответствующий.

Третья — женщина в белом халате поверх штатского, с

усталыми глазами и седой прядью в тёмных волосах:

— Вера Сергеевна Кротова. Психиатр. Специализация — изменённые состояния сознания. Я буду вести ваш дневник наблюдений.

Она смотрела на Рябова с любопытством, почти профессиональным, но без враждебности. Уже хорошо.

Четвёртый участник группы держался в стороне. Молодой — лет двадцати семи, не больше. Высокий, нескладный, в очках с толстыми стёклами, какие носят люди, слишком много времени проводящие за микроскопом. Он представился последним:

— Младший научный сотрудник Лапин. Семён Ильич. Физик-теоретик. Занимаюсь расчётами пси-поля.

И добавил, чуть замявшись:

— Я читал ваши схемы. Те, что вы собирали в пещере. Если честно... это гениально. Неправильно, но гениально. Вы допустили три ошибки, которые могли убить вас в первый же сеанс. Но вы их компенсировали интуитивно. Я до сих пор не понимаю как.

— Я тоже, — честно ответил Рябов.

Лапин улыбнулся — первая улыбка, которую он увидел в этой комнате.

Так началась их совместная работа.

Залесский отвечал за общее руководство и нейрофизиологический мониторинг. Горелов-младший собирал оборудование для перехода — стационарный излучатель, в разы

превосходивший и пещерный, и кинотеатрский. Кротова наблюдала за психическим состоянием Рябова и вела протоколы. Лапин считал. Дни и ночи напролёт он сидел за компьютером, прогоняя математические модели, и время от времени появлялся в общем зале с красными от недосыпа глазами и распечаткой, в которой никто, кроме него, не понимал ни строчки.

Рябов в этой команде занимал странное положение. Он не был учёным. Он не был военным. Он был объектом исследования и одновременно — соавтором эксперимента. Его опыт, его интуиция, его способность чувствовать прибор — всё это было уникальным и невозполнимым. Залесский, поначалу относившийся к нему как к подопытному кролику, постепенно начал советоваться. Горелов — разговаривать без скрытой враждебности. Кротова — спрашивать о самочувствии не только по протоколу.

Только Лапин относился к нему одинаково с первого дня — с восторгом, смешанным с научным голодом. Для него Рябов был не преступником и не объектом, а первооткрывателем, случайно наткнувшимся на то, до чего сам Лапин шёл расчётным путём. Они часто беседовали по ночам, когда остальные расходились. Лапин рассказывал о теории, Рябов — о практике. И в этих беседах рождалось то, что позже назовут «протоколом Рябова–Лапина», — методика контролируемого перехода.

Но это будет позже. А пока — шли проверки.

Глава третья. В которой в Москве молодой следователь получает папку с жалобой, а тень Наталии ложится на всё, чего касался Рябов

В то самое время, когда Рябов проходил барокамеры и энцефалографы, в Москве, в здании на Лубянке, молодой сотрудник Федеральной службы безопасности лейтенант Дронов получил папку с сопроводительной запиской: «Провести проверку. Доложить в десятидневный срок».

Дронову было двадцать шесть. Он служил в органах второй год после окончания юридического факультета и пока занимался тем, что на языке его начальника называлось «фильтрацией сигналов»: разбирал жалобы, заявления, анонимки, доносы — всё то, что стекалось в ФСБ со всей страны и требовало либо передачи в разработку, либо списания в архив. Дел было много, людей — мало, и Дронов привык работать быстро, не вникая глубже, чем требовала форма.

Но это дело зацепило его.

Жалоба была написана от руки, аккуратным почерком, на четырёх страницах. Автор — Виктор Сергеевич Плотников, 1970 года рождения, житель областного центра N-ской области. В прошлом — инженер, ныне — безработный. Член религиозной группы «Путь». В тексте — подробное описание деятельности группы и её лидера, человека, называвшего себя Учителем и известного Плотникову как Виктор Александрович Рябов.

Дронов прочитал жалобу дважды. Первый раз — по диа-

гонали, оценивая, стоит ли дело выеденного яйца. Второй — внимательно, потому что в тексте было нечто, чего он не ожидал.

Плотников писал не о нарушении закона. Не о мошенничестве. Не о незаконных собраниях. Он писал о женщине.

«Наталия Орлова была светлым человеком. Она пришла в "Путь" раньше меня и верила в Учителя искренне, как никто другой. Я видел, как она смотрела на него. Я видел, как она отдавала ему всё — время, силы, душу. Я любил её. Она не знала. Но я знал: Учитель погубит её. Так и случилось. Её нашли мёртвой в ночь перед тем, как он исчез. Официальная версия — ограбление. Но я знаю, что это не так. Учитель убил её. Или приказал убить. Или просто бросил, а она не пережила. Я требую расследования. Я требую справедливости».

Дальше шли факты — даты, адреса, имена. Всё, что Плотников смог собрать. Он проделал работу, достойную профессионального следователя: восстановил хронологию последних дней Рябова в городе, перечислил людей, с которыми тот контактировал, указал на странные проверки пожарных и санэпидстанции, на слухи о том, что кинотеатр брали штурмом, а жителей квартала эвакуировали под предлогом химической угрозы.

Дронов запросил сводки МВД по N-ской области за нужный период. Сводки пришли через два дня. Они подтверждали: эвакуация была. Штурм был. Но детали — детали от-

существовали. Дело имело гриф «секретно», и доступ к нему для лейтенанта Дронова был закрыт.

Это должно было остановить его. Но не остановило.

Он был молод. Он был дотошен. Он ещё верил, что справедливость — это не просто слово, а нечто, что можно найти, если копать достаточно глубоко. И он начал копать.

Первым делом он позвонил в областное управление ФСБ, где служил его однокашник по университету, и попросил неофициальной информации. Однокашник перезвонил через день и сказал: «Дрон, не лезь. Там Москва работала. Особая группа. Всё под грифом. Даже наш начальник не в курсе, что именно они делали».

Это означало, что дело ушло в Управление секретного взаимодействия. Дронов знал об этой структуре только понаслышке — говорили, что она существует, но официально её не было ни в одном реестре. Добраться до них было невозможно. Но можно было добраться до свидетелей.

Он взял командировку и выехал в областной центр N-ской области.

Там он нашёл Плотникова. Тот жил в старой пятиэтажке на окраине, в квартире, напоминавшей келью: минимум мебели, книги по эзотерике, фотография Наталии на столе — размытая, с плохой резкостью, но видно, что женщина была красива той особой, неброской красотой, какая проявляется не сразу, а когда человек начинает говорить.

Плотников оказался нервным, дёрганым человеком с бе-

гающими глазами, но его рассказ был связным и подробным. Он описывал собрания «Пути». Описывал Учителя — «он выходил на сцену, и воздух менялся, становился плотным, как кисель, и дышать было трудно, но хорошо, понимаете? — хорошо, как в детстве, когда мама обнимает». Он описывал, как Наталия менялась под влиянием Рябова — «она расцветала, но это был неправильный цвет, как у цветка, который раскрывается не под солнцем, а под лампой».

— Когда она умерла, — сказал Плотников, и голос его дрогнул, — я пошёл в милицию. Меня не стали слушать. Я пошёл в прокуратуру. Там взяли заявление и потеряли. Тогда я написал в Москву. Я не знаю, кто вы и зачем приехали, но если вы можете — найдите его. Найдите Учителя. Он знает, что случилось. Он должен ответить.

Дронов записал всё и вернулся в Москву. Он понимал, что дело выходит за пределы его компетенции, но что-то не давало ему закрыть папку и отправить в архив. Он ещё раз запросил информацию — теперь через военную прокуратуру. И получил ответ: Рябов Виктор Александрович, бывший военнослужащий, уволен в запас, в настоящее время местонахождение не установлено. Дело в отношении Рябова В.А. передано в вышестоящую инстанцию.

Вышестоящая инстанция не имела названия.

Дронов сел и написал рапорт на имя начальника отдела: «Прошу разрешить дальнейшую проверку в отношении Рябова В.А., а также запросить информацию у Управления сек-

ретного взаимодействия по факту возможной причастности Рябова В.А. к гибели гражданки Орловой Н.С.».

Начальник прочитал рапорт, хмыкнул и сказал:

— Дронов, ты дурак или прикидываешься?

— Молодой, товарищ полковник.

— Это одно и то же. — Начальник подписал рапорт. — Давай. Но если тебя оттуда спустят с лестницы — я тебя не знаю.

Дронов вышел из кабинета с подписанным рапортом в руке и смутным ощущением, что он только что открыл дверь, которую, возможно, лучше было не открывать.

Глава четвёртая. В которой ванна наполняется водой, прибор приводится в готовность, а Рябов делает последнюю запись перед тем, как перестать быть человеком в привычном смысле этого слова

К концу третьей недели подготовка вышла на финишную прямую.

Оборудование, собранное Гореловым-младшим под руководством Лапина, занимало теперь весь главный зал подземной лаборатории. Это была увеличенная и усовершенствованная версия того, что Рябов построил в пещере, но с рядом принципиальных отличий.

Во-первых, излучатель был настроен не на подавление воли, а на синхронизацию мозговых ритмов с внешним полем — тем самым, которое Бессонов называл «пси-частотой».

Во-вторых, вместо шлема использовалась ванна.

Ванна стояла в центре зала — громоздкая конструкция из керамо-гранита, подключённая к системе подогрева и фильтрации. Вода в ней поддерживалась при температуре тела — тридцать шесть и шесть, — а в толще воды были размещены излучатели, создававшие поле одновременно вокруг и внутри тела. Далее всё пространство ванной было помещено в огромную нержавеющую трубу, созданную по принципу зеркала Козырева с полностью идеальной структурой по золотому сечению.

Идея принадлежала Лапину. «Вода — отличный проводник, — объяснил он. — Она снимает мышечное напряжение и позволяет полю проникать равномерно. Без воды тело сопротивляется, создаёт зоны интерференции. В воде вы будете как... как эмбрион в утробе».

— Как покойник в морге, — мрачно дополнил Рябов.

— Это тоже, — согласился Лапин, ничуть не смутившись.

В день испытания в лаборатории собрались все. Залесский проверял показания датчиков. Горелов колдовал над пультом управления. Кротова готовила шприцы — на случай, если потребуется экстренная седация. Лапин в последний раз перепроверял расчёты, бормоча под нос формулы. За стеклянной перегородкой, в наблюдательном пункте, сидел Лиханин — он приехал лично, что означало высший уровень важности. С ним были двое людей в штатском, которых Рябов никогда прежде не видел и которых ему не представили.

Рябов стоял у ванны, одетый в лёгкий комбинезон из специальной ткани, не мешавшей прохождению волн. Он был спокоен — точнее, ему казалось, что он спокоен. На самом деле это было не спокойствие, а та особая отстранённость, какая бывает перед прыжком с высоты: когда решение уже принято, и тело перестаёт сопротивляться, и остаётся только шагнуть.

Перед началом к нему подошла Кротова.

— Виктор Александрович, — сказала она (она единственная называла его по имени-отчеству), — я хочу записать ваш голос. Для протокола. Просто скажите, что вы чувствуете. Что думаете. Это важно — для тех, кто пойдёт после вас.

— Если кто-то пойдёт, — ответил Рябов.

— Если.

Она включила диктофон. Маленькая красная лампочка загорелась в полумраке зала.

Рябов помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил — негромко, но отчётливо:

— Меня зовут Рябов Виктор Александрович. Бывший рядовой срочной службы. Бывший лидер религиозной группы «Путь». Бывший создатель прибора «Альфа-модифицированный». В настоящее время — добровольный участник эксперимента по переходу в иное измерение. Я знаю, что могу не вернуться. Я знаю, что могу умереть — или, что хуже, остаться там, где уже нет ни тела, ни времени. Но я иду. Не потому, что мне предложили сделку. А потому, что я хочу

знать. Хочу понять, что я видел, когда надевал шлем. Кто говорил со мной. Куда ушли они — те шестеро научных исследователей.

Если это Бог их забрал, я хочу увидеть Бога. Если это просто поле — я хочу увидеть поле. В любом случае, это больше, чем то, что ждало меня здесь.

Он замолчал. Кротова ждала.

— И ещё, — добавил Рябов. — Если я не вернусь... пусть тот следователь, который ищет правду про Наталию, знает: я не убивал её. Я не знал. Я виноват в том, что не уберёг. Но не в том, что случилось. Это всё.

Он кивнул. Кротова выключила диктофон.

Откуда Рябов знал про Дронова? Он не знал. Но он предполагал — предполагал, что смерть Наталии не осталась незамеченной, что кто-то, где-то, задаёт вопросы. Он слишком хорошо изучил человеческую природу за время своего «учительства», чтобы в этом сомневаться.

— Пора, — сказал Залесский. — Вода готова. Поле настроено.

Рябов подошёл к ванне. Ступеньки. Бортик. Он ступил в воду, и она приняла его с той особой теплотой, какая бывает только у воды, нагретой точно до температуры тела, — ни горячо, ни холодно, никак. Как будто он вошёл в самого себя.

Лёг. Вода сомкнулась над плечами. Датчики на висках, на груди, на запястьях — тонкие проводки тянулись к пульту Горелова. Лапин в последний раз проверил расчёты и поднял

большой палец.

Залесский склонился над ним:

— Виктор Александрович, начинаем. Частота будет повышаться медленно. Вы должны расслабиться и не сопротивляться. Если почувствуете боль, спазм, панику — дайте знак. Поднимите руку. Мы прервём.

— Не прервёте, — сказал Рябов. — Я знаю. На определённой частоте я уже не смогу поднять руку.

Залесский промолчал. Потому что Рябов был прав.

— Тогда — удачи, — сказал профессор.

— Это не удача, — ответил Рябов. — Это физика.

Он закрыл глаза.

Гул генераторов усилился. Вода вокруг него завибрировала — сначала едва заметно, потом сильнее. Частота росла. Четыре герца. Пять. Шесть. Теменная доля входила в резонанс — Рябов чувствовал это как знакомое, почти родное покалывание в затылке.

Семь герц.

Мир начал отодвигаться. Не исчезать — именно отодвигаться, как отодвигается берег, когда лодка выходит в открытое море. Голоса в зале стали глуше. Свет потускнел. Осталась только вода — тёплая, невесомая, — и гул, который теперь звучал не снаружи, а внутри.

Восемь герц.

Тело стало чужим. Он больше не чувствовал рук, ног, дыхания. Он был точкой. Точкой в пустоте. И пустота эта была

не чёрной, а какой-то... перламутровой. Как внутренняя сторона раковины. Как северное сияние, которое он однажды видел на заставе — одно-единственное, бледное, но незабываемое.

Девять герц.

И — переход.

Он даже не заметил, когда это произошло. Просто в какой-то момент пустота перестала быть пустотой. В ней проступили контуры, как тени предметов. Не звуки — отзвуки звуков. И в этом разреженном, едва намеченном пространстве что-то шевельнулось. Что-то, бывшее здесь до него.

— Здравствуй, — сказал Голос. Мы ждали тебя.

И Рябов понял: он на месте. Переход состоялся.

А в лаборатории, за стеклом, приборы зафиксировали то, что Лапин позже назовёт «точкой сингулярности»: на доли секунды все показатели Рябова — энцефалограмма, кардиограмма, дыхание — одновременно выровнялись, словно их начертили под линейку. А затем — упали почти до нуля.

Почти. Но не до нуля.

Тело в ванне оставалось живым. Дышало. Кровь бежала по сосудам. Но сознания в нём больше не было.

— Ушёл, — прошептал Лапин.

И никто в зале не знал, что добавить к этому.

Конец четвёртой главы.

ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Глава пятая. В которой герой пересекает порог, встречает стражей, не имеющих плоти, и узнаёт цену, которую ещё не готов заплатить

Голос стих, и тишина, пришедшая ему на смену, была не просто отсутствием звука — она была субстанцией. Рябов чувствовал её кожей, хотя кожи больше не имел; слышал костями, хотя кости остались там, в тёплой воде под стеклянным потолком лаборатории. Он висел в перламутровой пустоте и был точкой. Точкой, которая помнила, что когда-то была человеком.

Потом пространство начало проявляться. Не как картина — как ощущение структуры. словно кто-то невидимый чертил линии прямо в его сознании, и линии эти складывались в коридор. Коридор был бесконечным и не имел стен в привычном смысле — скорее, он был направлением. Вектором. Туда.

Рябов двинулся. Само движение было непривычным — не шаги, не полёт, а что-то среднее: намерение, преобразованное в перемещение. Он подумал «вперёд» — и оказался впереди. Подумал «быстрее» — и пространство смазлось, как вода, в которую бросили камень.

Коридор закончился внезапно. Перед ним возникло нечто, что он сперва принял за стену, — но стена шевели-

лась. Она состояла из множества отдельных элементов, переливающихся золотом и зеленью, и каждый элемент был живым. Жуки. Огромные, размером с добрую собаку каждый, они ползали друг по другу, образуя барьер, уходящий в бесконечность во все стороны. Их надкрылья отливали металлом. Их глаза — множество фасеточных линз — смотрели на Рябова одновременно все, и в этом взгляде не было ни враждебности, ни любопытства. Только функция. Они были здесь, чтобы не пропускать.

— Пропуск, — сказали они. Не голосом — вибрацией, прошедшей сквозь Рябова, как звук колокола сквозь туман.
— Предъяви пропуск.

Рябов не испугался. Там, на земле, он, возможно, дрогнул бы — но здесь, в этой среде, страх работал иначе. Он был не чувством, а информацией. Сигналом. И сигнал этот можно было отключить.

— У меня нет пропуска, — ответил он. — Я пришёл сам.

Скарабеи зашевелились быстрее. Их золотые панцири заскрежетали друг о друга, и звук этот напоминал скрежет несмазанных шестерён — древних, как сама Вселенная, и таких же равнодушных.

— Без пропуска — нельзя. Таков Закон.

— Я не знаю Закона.

— Узнаешь. Развернись. Вернись.

Рябов не двинулся. Он висел перед стеной из хитина и золота и чувствовал, как внутри него — внутри того, что те-

перь заменяло ему тело, — поднимается знакомое ощущение.

То самое, что он испытывал, когда включал излучатель в кинотеатре. То самое, что наполняло его в пещере, когда он надевал шлем. Сила. Не та, что даётся приборами, — другая. Его собственная. Накопленная за месяцы сеансов, впитавшаяся в каждую клетку его мозга и теперь, после перехода, освобождённая от телесных ограничений.

Она выплеснулась наружу без его приказа — просто потому, что её стало слишком много.

И скарабей отступили.

Не расступились — именно отступили, как отступают солдаты перед тем, кто выше званием. Их фасеточные глаза уставились на что-то над плечом Рябова — туда, где ничего не было, — и в их коллективном сознании прозвучал приказ, которого Рябов не слышал, но результат которого видел. Стена разошлась. Коридор открылся.

— Проходи, — провибрировали они. — Тебя ждали. Но помни: Закон — для всех. Даже для тех, кто проходит.

Рябов двинулся вперёд и оказался в Астрале.

Впоследствии, когда он пытался описать это место — сначала Лапину, потом Кротовой, потом самому себе в минуты ночных бдений, — он не находил слов. Астрал не был городом. Не был равниной. Не был лесом. Он был собранием обломков всех этих понятий, сваленных в одну кучу неведомым архитектором, который то ли сошёл с ума, то ли, напро-

тив, обладал замыслом, недоступным человеческому разуму.

Здания стояли под невозможными углами. Некоторые из них росли из мостовой корнями вверх. Другие парили в воздухе, медленно вращаясь вокруг своей оси, и окна их светились тусклым, умирающим светом. Улицы обрывались в пустоту. Лестницы вели в никуда. Площади были уставлены статуями, но статуи эти двигались — медленно, едва заметно, словно запертые в камне существа пытались освободиться.

Неба не было. Вместо него — что-то вроде купола, сотканного из тех же перламутровых нитей, что и коридор. Эти нити постоянно рвались и сплетались заново, и Рябов понял: это время. Вернее, его отсутствие. В Астрале не было линейного времени — только вечное «сейчас», которое дышало, пульсировало и переписывало само себя каждое мгновение.

Лапин, услышав позже описание, назвал бы это квантовой запутанностью макроуровня: каждая частица здесь была связана с каждой, каждое событие отражалось во всех остальных одновременно, и прошлое нельзя было отделить от будущего, потому что они существовали в одной точке. Но Рябов не знал таких слов. Он просто чувствовал: здесь всё связано. Всё влияет на всё. И он — часть этой связи.

Он шёл по улицам Астрала, и улицы менялись под его шагами. Иногда ему казалось, что он узнаёт обломки реального мира: вот это здание напоминало кинотеатр «Октябрь», вот это — казарму на заставе, вот это — дом матери в городе N.

Но сходство было зыбким, как воспоминание, которое пытаешься удержать при пробуждении, — оно ускользало, стоило лишь сосредоточиться.

Он искал. Что именно — он не знал, но где-то в глубине того, что осталось от его сознания, билась мысль: здесь есть ответ. Здесь есть кто-то.

И он нашёл.

Она стояла у стены разрушенного здания, напоминавшего библиотеку, — стеллажи с книгами уходили в бесконечность, но книги были пустыми, их страницы шевелились, как живые, и на них не было ни буквы. Наталия выглядела так же, как в их последний вечер: та же усталая складка у губ, та же седая прядь в тёмных волосах, то же пальто с потёртым воротником. Но глаза — глаза были другими. В них больше не было ни надежды, ни отчаяния. Только знание. Спокойное, почти равнодушное знание.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос её звучал как эхо — далёкое, но ясное.

— Наталия...

— Не подходи. — Она подняла руку, и Рябов остановился, хотя расстояние между ними было шагов десять. — Ты ещё не готов быть рядом со мной. Ты ещё... тёплый.

— Я не знал. Про Блейка. Я не знал, что он сделает.

— Я знаю, что не знал. — Она говорила без укора, просто констатировала факт. — Я здесь не для того, чтобы обвинять. Я здесь, чтобы предупредить. Дальше идти опасно.

Ты видел стражей. Дальше будут другие. И они не отступят.

— Кто они?

— Те, кто охраняет Хроники. Акашийские записи. Память всего, что было, есть и будет. — Она повела рукой, и пространство вокруг них дрогнуло, пошло рябью. — Ты думаешь, что попал сюда случайно? Ты думаешь, что переход — это просто смена декораций? Нет. Это экзамен. Ты стоишь на пороге, и порог этот охраняют. Не все проходят.

— Но ты прошла.

— Я не прошла. — Она улыбнулась, и улыбка эта была печальнее, чем слёзы. — Меня убили. Убитые не проходят. Они застревают. Я здесь, потому что меня держит здесь что-то. Может быть, ты. Может быть, моя собственная глупость.

Рябов хотел подойти, но снова остановился. Что-то держало его — не её слова, а само пространство, которое между ними сгустилось, как невидимое стекло.

— Блейк, — сказал он. — Это он тебя...

— Да. Англичанин. Он пришёл в тот вечер, когда ты собирался уезжать. Я не знала, кто он. Думала — ещё один проверяющий. Он спросил про тебя. Про прибор. Про пещеру. Я не ответила. Тогда он ударил.

Рябов молчал. Слова были не нужны — здесь, в Астрале, они вообще значили меньше, чем там. Но он всё равно произнёс:

— Я найду его.

— Не надо. — Наталия покачала головой. — Месть —

это привязка. Привязка — это клетка. Ты не для этого сюда пришёл. Ты пришёл, чтобы увидеть.

Она повернулась и пошла вглубь библиотеки. Рябов двинулся следом — на этот раз пространство пропустило его. Они шли между стеллажами, и пустые книги шелестели страницами, словно переговариваясь на языке, которого Рябов не знал, но почти понимал.

Она остановилась у камня. Камень был чёрным, отполированным до зеркального блеска, и стоял на постаменте, исчерченном символами. Символы были незнакомыми, но Рябов узнал один: расходящиеся круги. Символ «Пути». Только здесь он выглядел иначе — древним, изначальным, словно его не придумали, а обнаружили.

— Коснись, — сказала Наталия.

— Что это?

— Вход. В Хроники. Ты хотел знать, кто говорил с тобой в пещере. Ты хотел знать, куда ушли они — те шестеро. Коснись — и увидишь.

Рябов протянул руку.

Камень был холодным — настоящим, физическим холодом, который он почувствовал даже здесь, в бесплотном мире. И в тот же миг Астрал исчез.

Он стоял в пещере.

Та самая лаборатория. Бетонные стены. Кресло со следами креплений. Шлем на кронштейне. Стол с разбросанными бумагами. Всё — как в тот день, когда он нашёл её, только

теперь помещение было залито светом, и в нём находились люди.

Шестеро.

Двое у пульта. Один у кресел. Женщина с планшетом — та самая Вера Сергеевна Кротова, только моложе, без седой пряди, в строгом лабораторном халате. И пожилой человек с бородкой клинышком — профессор Бессонов, Рябов узнал его по фотографии из досье.

Они спорили. Рябов не слышал слов — картинка была немой, — но видел жесты, выражения лиц, напряжение в позах. Бессонов настаивал. Кротова возражала. Остальные слушали.

Потом Бессонов сказал что-то решительное — и сел в кресло. Надел шлем. Кротова, поколебавшись, включила прибор.

Рябов видел, как частота росла. Видел, как лицо Бессонова менялось — напряжение уходило, сменяясь выражением того самого детского восторга, который он столько раз наблюдал у своей паствы. Видел, как остальные пятеро переглянулись — и один за другим начали падать.

Не в обморок. Их тела оставались стоять — застывшие, пустые, как сброшенная одежда. А сознания — Рябов видел их как светящиеся сгустки, отделявшиеся от тел и уходящие куда-то вверх, сквозь бетон, сквозь землю, сквозь тайгу.

Они не умирали. Они перемещались.

И в последний момент, перед тем как картинка погасла,

Рябов увидел их лица. Все шесть — застывшие, но живые. Они смотрели куда-то, куда он ещё не мог смотреть. Туда, где не было ни Астрала, ни Хроник, ни даже пустоты.

Туда, где начиналась Новая Земля.

Видение схлынуло. Он снова стоял у камня, и Наталия держала его за руку — вернее, за то, что здесь заменяло руку.

— Ты видел, — сказала она.

— Да. Куда они ушли?

— На другой вибрационный уровень. Мы называем это Новой Землёй. Но название не важно. Важно то, что там — другие законы. Здесь, в Астрале, ещё действует физика — пусть искажённая, пусть квантовая, но физика. Там — нет. Там реальность творится сознанием. Там мысль и материя — одно.

— Я хочу туда.

— Я знаю.

Наталия отпустила его руку и отступила. Лицо её стало строгим, почти торжественным.

— Тогда слушай. Я говорила с Ними. С теми, кто выше скарабеев. Кто выше Астрала. Кто выше всего, что ты можешь представить. — Она сделала паузу. — Они сказали: ты можешь пройти. Но есть условие.

— Какое?

— Ты должен вернуться. Сначала — на землю. В своё тело. В свою жизнь. И там, на земле, ты должен пожертвовать собой ради любимого человека. Не ради идеи. Не ради чело-

вечества. Ради одного-единственного человека. Только тогда тебе дадут пропуск. Но ты никому не должен рассказывать, что учёные вернулись и что они с тобой сейчас на земле.

Рябов молчал. Слова Наталии падали в него, как камни в воду, расходясь кругами. Пожертвовать собой. Ради любимого человека. Он думал о матери — но это было не то. Думал о Кайсарове — но Кайсаров был не любимым человеком, а искуплением. Думал о Наталии — но Наталия была мертва.

— У меня нет любимого человека», — сказал он.

— Есть, — ответила она. — Просто ты ещё не знаешь.

Пространство вокруг них начало меркнуть. Камень, стеллажи, лицо Наталии — всё теряло чёткость, растворялось в перламутровой дымке. Рябов чувствовал, как его тянет назад — мягко, но неумолимо, как течение реки тянет пловца.

— Ты вернёшься, — донёсся голос Наталии уже издалека. — А когда сделаешь то, что должен, — придёшь снова. И мы встретимся. Уже по-настоящему.

— Подожди! — крикнул Рябов. — Я не знаю, что делать! Я не знаю, кто...

Но Астрал уже исчез. Осталась только темнота, тёплая вода и гул генераторов, становившийся всё громче.

Он открыл глаза.

Над ним был стеклянный потолок лаборатории. За стеклом — встревоженные лица. Лапин, прижавшийся носом к стеклу, как ребёнок к витрине. Кротова с диктофоном в

руке. Залесский, склонившийся над приборами. Горелов у пульта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.